

~~206~~ 7.69

4-60

1872

12.
1-14 264

264.
7.5.

60

267.
—
Т. 5.

ЮГО-ЗАПАДНАЯ ТУРКМЕНИЯ

(ЗЕМЛИ САРЫКОВЪ И САЛОРОВЪ)

П. М. ЛЕССАРА

СЪ КАРТОЮ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. 11—2

1885

Печатано по распоряженію Совѣта Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

Секретарь *А. Григорьевъ.*

2 Апрѣля 1885 г.

ЮГО-ЗАПАДНАЯ ТУРКМЕНІЯ.

(ЗЕМЛИ САРЫКОВЪ И САЛОРОВЪ).

П. М. Лессара.

(Читано въ общемъ собраніи Императорскаго Русскаго Географическаго Общества
7 декабря 1884 г.).

Годъ тому назадъ я имѣлъ честь доложить Географическому Обществу результаты моихъ путешествій въ 1882 и 1883 гг. по Кара-кумамъ ¹⁾.

Говоря о мѣрахъ для развитія торговли и благосостоянія среди туркменскихъ племенъ, я указывалъ, что первое мѣсто среди такихъ мѣръ должно занимать полное умиротвореніе края; жители всѣхъ окрестныхъ странъ въ одинъ голосъ признавали, что это можетъ быть достигнуто лишь однимъ способомъ: „пусть русскіе займутъ Мервъ, безъ этого спокойствія не будетъ“. Даже среди мервцевъ большинство, понимая, что прежній строй жизни невозможенъ, пришло къ тому же убѣжденію. Необходимость водворенія порядка въ Мервѣ и невозможность это исполнить безъ помощи русскихъ властей—сознавались все болѣе и болѣе, и въ началѣ настоящаго года присоединеніе Мервскаго оазиса къ Россіи стало совершившимся фактомъ.

Мнѣ пришлось быть въ числѣ лицъ сопровождавшихъ командующаго войсками Закаспійской области при занятіи Мерва. Обстоятельства, при которыхъ произошло это событіе, весьма мало извѣстны и я скажу объ нихъ нѣсколько словъ, тѣмъ болѣе, что непосредственнымъ послѣдствіемъ принятія мервцевъ въ русское под-

¹⁾ Извѣстія И. Р. Г. О., т. XX, стр. 113.

данство были сношенія съ остававшимися независимыми туркменами, живущими между Мервомъ и Афганистаномъ, именно сарыками и салорами; сношенія же эти позволили мнѣ посѣтить восточную часть юго-западной Туркменіи. Результаты этой поѣздки вмѣстѣ съ добытыми 'ранѣе, при изслѣдованіяхъ западной части междурѣчья, дали матеріаль для выясненія общаго характера всей этой мѣстности, приобрѣтающей въ настоящее время столь важное значеніе въ вопросѣ разграниченія туркменскихъ племенъ съ Афганистаномъ.

І. Занятіе Мерва.

Какъ я только-что сказалъ, большинство населенія понимало невозможность продолженія прежняго порядка вещей и желало мира. Это убѣжденіе было послѣдствіемъ штурма Гѣкъ-тепе и особенно усилилось послѣ поѣздки мервскихъ хановъ въ Москву на торжества коронаціи. Впечатлѣніе, произведенное на хановъ всѣмъ, что они видѣли, убѣдило ихъ въ полной безнадежности борьбы съ Россією. При занятіи Мерва жители осуждали безуміе кучки сопротивлявшихся, именно на основаніи того, что ихъ ханы сами убѣдились, во время поѣздки въ Россію, въ силѣ и могуществовѣ этой страны: „не трудно истребить 1000 человекъ, которые пришли, говорили они, но тѣ, которые были въ Москвѣ, видѣли сколько войска можетъ быть прислано въ случаѣ надобности“.

Но какъ ни было благопріятно подобное настроеніе, оно еще не было достаточно для умиротворенія степи. Царившее всегда въ Мервѣ безначаліе не давало возможности воспрепятствовать беспорядкамъ, производимымъ нѣсколькими сотнями упорныхъ разбойниковъ; по всякому же пустому поводу, при самомъ незначительномъ успѣхѣ аламана, къ нимъ присоединялась колебавшаяся часть населенія. При впечатлительности этихъ племенъ, тотчасъ же вспоминались успѣхи въ борьбѣ съ Персією и Хивою, въ свое время считавшимися въ Азіи сильными и непобѣдимыми государствами, и волненія принимали значительныя размѣры.

Лѣтомъ 1883 года этому способствовали нѣкоторыя постороннія обстоятельства.

Путешествіе шаха персидскаго по Хорасану породило много толковъ: стали говорить, что войска его перейдутъ на Тедженъ и къ Мерву и разорятъ поселенія текинцевъ; хотя изъ Асхабада и

были посланы успокоительныя письма, но безпокойная часть населенія воспользовалась волненіями въ оазисѣ, чтобы начать войну по своему, и съ осени отправились аламаны въ сторону Персіи и Атека.

Но болѣе всего способствовало возбужденію оазиса присутствіе въ Мервѣ иностранныхъ агентовъ.

Тотчасъ по взятіи Гёкъ-тепе въ Пенде явился человекъ, скрывавшій свою національность и именовавшій себя Сіяхъ-пушемъ¹⁾; онъ возбуждалъ оставшихся независимыми туркменъ разныхъ племенъ не входить въ сношенія съ русскими. Къ сіяхъ-пушу присоединилось еще нѣсколько человекъ, между прочимъ одинъ афганецъ и два индійца; они жили частью въ Пенде, частью въ Іоль-отанѣ, въ Мервѣ же пріѣзжали только по временамъ. Сіяхъ-пушъ дѣйствовалъ сначала очень нерѣшительно и о немъ было мало слышно, но съ 1883 года дѣятельность его усилилась: онъ сталъ ѣздить самъ и посылать своихъ агентовъ въ Хорасанъ, ища войти въ сношенія съ вали этой провинціи, съ Эюбъ-ханомъ и со всеми окрестными правителями. При всемъ этомъ онъ старался придать своей дѣятельности религіозный характеръ. Въ Мервѣ онъ объявилъ: „не бойтесь русъ-кяфира ни въ какомъ случаѣ; въ скоромъ времени явится Сагибъ-хуруджъ изъ мусульманъ, который уничтожитъ кяфира“. О себѣ Сіяхъ-пушъ говорилъ, что онъ повѣренный лица, которое будетъ защищать Мервъ отъ русскихъ; производить разбои онъ разрѣшалъ, обѣщая доставить оружіе и деньги своимъ послѣдователямъ. Къ хорасанскому вали Сіяхъ-пушъ обращался неоднократно съ прошеніями отъ имени сарыковъ и мервцевъ о принятіи ихъ въ персидское подданство, но персидскія власти не нашли возможнымъ обратить на нихъ вниманіе, такъ какъ знали, что Сіяхъ-пушъ не пользуется сколько нибудь значительнымъ авторитетомъ ни въ одномъ изъ оазисовъ. Въ Хорасанѣ Сіяхъ-пушъ называлъ себя Шейхъ-Мансуромъ, объявлялъ, что въ его распоряженіи сто тысячъ войска для изгнанія христіанъ; къ письмамъ онъ прикладывалъ печать, окаймленную именами двѣнадцати имамовъ. Впрочемъ, религіозной миссіи его никто не вѣрилъ, а все считали его политическимъ агентомъ. Денежныя дѣла Сіяхъ-пуша были въ очень плохомъ положеніи, и это помѣшало ему набрать милицію въ Мервѣ, а потомъ и въ Іоль-отанѣ. Въ первомъ пунктѣ Кад-

¹⁾ Сіяхъ-пушъ не въ смыслѣ принадлежности къ племенамъ Кафиристана, а въ смыслѣ монаха—черноризца (сіяхъ—черный; пушъ—одѣтый).

жаръ-ханъ нанялъ для Сіяхъ-пуша 60 всадниковъ по 100 кранъ въ мѣсяць; не получивъ денегъ, люди разошлись. Въ Іоль-отанѣ Сары-ханъ, не получая денегъ для нанятыхъ сорока всадниковъ, поступилъ энергичнѣе; онъ арестовалъ и заковалъ въ цѣпи Сіяхъ-пуша, пока тотъ не былъ выкупленъ іоль-отанскими евреями.

Когда лѣтомъ начались аламаны, вся степь заволновалась; по уборкѣ хлѣбовъ разбои еще усилились; уже въ августѣ мѣсяцѣ мирные жители (Сары-ханъ, вдова Нуръ-верды-хана Гюль-джамаль, ея сынъ Юсунъ-ханъ) обращалась въ Асхабадъ, извѣщая, что по всѣмъ направлениямъ вышли разбойники; ежедневно въ Мервѣ привозили плѣнныхъ и награбленное имущество; даже въ самомъ оазисѣ грабили бѣдняковъ и беззащитныхъ. Анархія была полная. Часть жителей готовилась переселиться въ Гератъ; другіе собирались ѣхать въ Мешхедъ, просить покровительства Персіи; третьи являлись въ Асхабадъ, прося разрѣшенія поселиться въ Карры-бендѣ и близь Старого Серакса.

Сары-ханъ неоднократно указывалъ, что въ Мервѣ никто не довольно силенъ, чтобы остановить разбои, и что только утверждение русской власти въ Мервѣ и занятіе его русскими войсками можетъ положить предѣлъ безпорядкамъ.

Изъ Келата, Дерегеза, Хорасана и Атека въ Асхабадѣ постоянно получались жалобы на все болѣе и болѣе смѣлые разбои; хотя въ жалобахъ этихъ результаты грабежей были сильно преувеличены, но положеніе было все же очень серьезное. Было необходимо поддержать мирную партію въ Мервѣ: она по своему положенію никогда не могла дѣйствовать рѣшительно и, предоставленная своимъ силамъ, ступшевывалась передъ кучкой буйныхъ, энергическихъ разбойниковъ, а толпа, какъ всегда, не разсуждая, готова была послѣдовать за тѣмъ, на чьей сторонѣ былъ въ данную минуту успѣхъ.

Посылка въ ноябрѣ 1883 г. отряда на Карры-бендѣ немедленно произвела свое дѣйствіе: мирная партія настолько взяла верхъ, что явилась возможность не только настаивать на прекращеніи разбоевъ, но и на выдачѣ ранѣ захваченныхъ людей и награбленнаго имущества. „Только при этихъ условіяхъ я могу отвратить бѣдствія, грозящія всему мервскому народу“, отвѣчалъ командующій войсками Закаспійской области на письмо Юсунъ-хана. Депутатія, выѣхавшая изъ Мерва для засвидѣтельствованія дружественныхъ чувствъ къ Россіи, была остановлена въ Карры-бендѣ; генераль Комаровъ соглашался допустить ее въ Асхабадъ и принять не ранѣе того, какъ голословныя заявленія будутъ подтверждены фак-

тами: мервцы должны были сначала освободить имѣвшихъ въ оазисѣ рабовъ. Такой твердый и энергическій образъ дѣйствій достигъ цѣли: приказанія командующаго войсками были исполнены, но вмѣстѣ съ тѣмъ большинство вліятельныхъ людей обратилось съ просьбою о принятіи Мерва въ русское подданство, не видя другого способа водворить порядокъ въ оазисѣ. Рабы были отпущены и когда послѣдовало Высочайшее соизволеніе на просьбу мервцевъ—депутация изъ четырехъ главныхъ хановъ и 24 самыхъ почетныхъ и вліятельныхъ лицъ въ оазисѣ принесла присягу на подданство Бѣлому Царю.

Это было прекрасное начало дѣла, но оставалось сдѣлать еще весьма много. Слово присяга имѣетъ два весьма различныя значенія въ Россіи и Азіи. Уже нѣсколько разъ почетныя лица Мерва давали клятву соблюдать подписанныя ими съ русскими властями условія и потомъ каждый разъ отрекались отъ нея, говоря, что ихъ никто не признаетъ въ оазисѣ. Правда, принесенная депутациею присяга внушала болѣе довѣрія, вслѣдствіе числа вліятельныхъ лицъ, принимавшихъ въ ней участіе, и сопровождавшихъ ее обстоятельствъ. Но все же масса народа мало сознавала значеніе обязательствъ, принятыхъ на себя черезъ своихъ выборныхъ: и ранѣе старшины ѣздили къ сосѣднимъ правителямъ и вступали съ ними въ соглашенія, которыя на дѣлѣ не мѣшали прежнему разбойничьему строю жизни въ Мервѣ. При приближеніи отряда, назначеннаго для занятія оазиса, когда выяснилась бы безповоротность новаго порядка, мирное настроеніе весьма легко могло измѣниться самымъ неблагоприятнымъ образомъ. Все зависѣло отъ обстоятельствъ, при которыхъ будетъ выполнено дѣло. Конечно, покореніе Хивы въ 1873 г. произвело во всей Средней Азіи не меньшее впечатлѣніе, какъ и взятіе Гекътепе въ 1881 г., а между тѣмъ нѣсколько неосторожностей сдѣлали возможною неудачу экспедиціи въ 1879 года. Насильственное занятіе Мерва было бы, конечно, дѣломъ еще болѣе серьезнымъ, чѣмъ походъ 1880—81 г. Вопросъ заключался въ своевременной поддержкѣ мирной партіи и успѣшной борьбѣ съ посторонними вліяніями, которыя могли усложнить дѣло. Существованіе этихъ постороннихъ вліаній скоро обнаружилось: по выходѣ отряда изъ Карры-бенда тотчасъ распространился слухъ, что въ Мервѣ организуется сопротивленіе и что рѣшено не пустить русскихъ въ оазисъ. Впрочемъ, при приближеніи къ границамъ его, дѣло выяснилось въ болѣе благоприятномъ смыслѣ: поднять весь народъ не удалось Сіяхъ-пушу и его сообщникамъ, небольшая же кучка не-

довольныхъ собралась около нихъ; къ нимъ то присоединялась, то отдѣлялась отъ нихъ колебавшаяся часть темнаго народа; количество желавшихъ сопротивляться то увеличивалось, то уменьшалось и, конечно, могло принять опасные размѣры при малѣйшемъ успѣхѣ начатой борьбы. Но этого не случилось: отрядъ спокойно подвигался впередъ, всякая попытка сопротивленія энергически и рѣшительно подавлялась, а съ другой стороны даже и самые виновные находили прощеніе, когда являлись съ повинною. Не было ни одного случая наказанія; 40—50 жертвъ—всѣ пали во время перестрѣлокъ, съ оружіемъ въ рукахъ; на раскаявшихся же смотрѣли, какъ на темную массу, введенную въ заблужденіе посторонними людьми, которые одни и заслуживали строгаго наказанія. Въ результатѣ, черезъ четыре дня агитаторы остались совершенно одни; они сначала бѣжали на югъ, но были захвачены мервцами и выданы командующему войсками. 4-го марта русскій отрядъ безпрепятственно приступилъ къ устройству укрѣпленія близъ Коушутъ-ханъ-калы. Всѣ жертвы съ нашей стороны заключались въ одномъ убитомъ рядовомъ.

Во главѣ сопротивленія стояли: Каджаръ-ханъ, Сіяхъ-пушъ, два индійца и одинъ афганецъ; Каджаръ-ханъ былъ единственный сколько нибудь вліятельный мервецъ, остальные агитаторы—пришлецы изъ другихъ странъ; это весьма интересный фактъ, такъ какъ въ многократныхъ столкновеніяхъ съ Бухарою, Хивою и Персією мервцы всегда обходились своими силами и сами руководили сопротивленіемъ; чужестранцы появились только для организаціи сопротивленія русскимъ; но дѣйствовали они противъ желанія подавляющаго большинства жителей и вреда Россіи не сдѣлали. Вся агитація имѣла послѣдствіемъ гибель нѣсколькихъ десятковъ несчастныхъ, повѣрившихъ обѣщаніямъ этихъ агентовъ.

II. Дневникъ поѣздки въ Іоль-отанъ, Пенде и по степямъ Ю. З. Туркменіи.

Со времени покоренія Ахала до 1884 г. русскимъ властямъ не приходилось имѣть почти никакого дѣла съ сарыками.

Разбойничать у насъ сарыки не могли за дальностью разстояній, и, главнымъ образомъ, вслѣдствіе враждебныхъ отношеній къ мервцамъ, черезъ земли которыхъ необходимо было проходить, чтобы попасть въ наши предѣлы. Дружественныя же сношенія не шли далѣе нѣсколькихъ безсодержательныхъ писемъ старшинъ Іоль-отана

въ Асхабадъ и поѣздки ихъ съ Кара-кули-ханомъ въ Хиву и Петро-Александровскъ, — поѣздки, не имѣвшей никакихъ практическихъ результатовъ.

Занятіе Мерва измѣнило положеніе дѣлъ: сарыки стали нашими ближайшими сосѣдями; связь Мервскаго и Іоль-отанскаго оазисовъ была настолько тѣсная, что сами сарыки, жившіе въ этомъ пунктѣ, еще до вступленія нашихъ войскъ въ Коушутъ-ханъ-калу, рѣшили соединить свою судьбу съ судьбою Мерва, и старшины ихъ спрашивали совѣта мервскихъ хановъ, какъ поступить и могутъ ли они быть приняты въ русское подданство вмѣстѣ съ мервцами. Командующій войсками Закаспійскаго края объяснилъ прибывшимъ сарыкамъ отношенія Россіи къ новопокоренной области, требованія отъ новыхъ подданныхъ и сосѣдей и условія, при которыхъ сарыки могутъ пользоваться покровительствомъ Бѣлаго Царя и быть приняты въ его подданство.

Іоль-отанъ и особенно Пенде были въ то время почти неизвѣстны; туда не проникалъ ни одинъ европеецъ ни съ сѣвера, ни съ юга, и даже разспросныя свѣдѣнія въ Мервѣ не могли много выяснить, такъ какъ и для текинцевъ сарыкскія поселенія были мало доступны.

Депутація, привезшая письма къ мерцамъ и возвращавшаяся въ Іоль-отанъ, представляла удобный случай ближе ознакомиться съ сарыками, и я отправился съ депутатами въ Іоль-отанъ, съ тѣмъ, чтобы, если обстоятельства позволяютъ, подняться и далѣе вверхъ по Мургъ-абу и собрать свѣдѣнія о сарыкахъ, земледѣліи и скотоводствѣ у нихъ, орошеніи земель, торговлѣ, отношеніяхъ ихъ къ окружающимъ племенамъ и народамъ, вообще всѣ данныя, необходимыя какъ для ознакомленія съ нашими новыми подданными и сосѣдями, такъ и для выясненія границъ туркменскихъ земель.

Обстоятельства должны были указать, въ какихъ размѣрахъ возможно выполненіе названной задачи: выступать приходилось 4 марта, а только наканунѣ отрядъ, назначенный для занятія Мерва, остановился на лѣвомъ берегу Мургъ-аба противъ текинской крѣпости Коушутъ-ханъ-кала. Агитаторы, возбуждавшіе мервцевъ къ сопротивленію (Сіяхъ-пушъ, афганецъ Ахметъ-шахъ и др.), бѣжали на югъ; правда, присутствіе депутаціи изъ Іоль-отана въ нашемъ лагерѣ указывало, что въ этомъ поселеніи бѣглецы не встрѣтятъ сочувствія, но они могли направиться далѣе и, при неизвѣстности настроенія въ Пенде, поѣздка туда сдѣлалась бы невозможною.

Со мною ѣхали: переводчикъ Хатымъ, пять туркменъ, уже ранѣе сопровождавшихъ меня въ путешествіяхъ, и одинъ мервецъ Кары-Ягды; это былъ мой старый знакомый, отлично знавшій всѣ дороги въ степи; при приближеніи русскаго отряда, онъ сначала принялъ участіе въ сопротивленіи, но потомъ поспѣшилъ явиться съ повинною, былъ прощенъ и просилъ какого нибудь дѣла для доказательства своего раскаянія и преданности.

4-го марта., въ воскресенье, мы выѣхали изъ русскаго лагеря и отправились не прямо по большой дорогѣ въ Іоль-отанъ, идущей по лѣвому берегу, а сначала заѣхали въ гости къ Юсунъ-хану, племени Векиль.

Дорога, по которой мы шли, составляла часть большой дороги въ Бухару; черезъ главные каналы вездѣ сдѣланы мосты для вьючнаго движенія и въ началѣ марта двигаться было легко, такъ какъ вода еще не была пущена во второстепенные арыки; позже, при размокаемости грунта и небрежности мервцевъ, движеніе крайне трудное даже и по большимъ дорогамъ; о другихъ говорить нечего: о нихъ не заботятся вовсе.

Вообще вся мѣстность вокругъ Коушутъ-ханъ-калы, въ предѣлахъ нынѣшняго орошенія, низменная и дороги въ ней поддерживать необходимо весьма тщательно: разрывъ дамбъ каналовъ, а тѣмъ болѣе запруженіе ихъ, можетъ затопить огромныя пространства и сдѣлать дороги вовсе непроходимыми. Главные караванные пути стремятся, по возможности, скорѣе выйти изъ обработанной части оазиса, хотя бы съ этимъ было сопряжено удлиненіе ихъ.

5-го марта мы выѣхали изъ оба Юсунъ-хана въ Іоль-отанъ.

Отправивъ вьюки прямою дорогою въ Іоль-отанъ, мы сами проѣхали осмотрѣть мервскую плотину. Дорога очень плохая и для навьюченныхъ лошадей недоступна; осмотрѣвъ плотину, для движенія къ Іоль-отану надо было искать брода: мостовъ черезъ главные каналы вблизи плотины нѣтъ. Тохтамышскій каналъ менѣе глубокъ, нежели отамышскій, и переправа оказалась возможною на высокихъ лошадяхъ; остальные переправились вплавь. Далѣе мы шли около двухъ верстъ по берегу рѣки; здѣсь изъ нея выходитъ множество каналовъ; нынѣ дно ихъ значительно выше и вода въ нихъ не попадаетъ даже въ самую высокую воду; по увѣренію проводниковъ, ложе рѣки въ послѣднее время углубилось; быть можетъ прежде плотина была выше по теченію и въ мѣстахъ расположенія каналовъ болѣе подпирала воду.

Послѣ привала вышли на большую дорогу, ведущую изъ ве-

кильскихъ поселеній въ Іоль-отанъ; въ 5 верстахъ отъ оба Юсунъ-хана расположены кибитки племени меджеуръ: это одно изъ отдѣльныхъ мелкихъ туркменскихъ племенъ, жившихъ здѣсь еще до прихода мервцевъ; когда явились эти послѣдніе, меджеуры остались въ оазисѣ въ качествѣ гостей (михмановъ) и относительно воды пользуются одинаковыми правами съ владѣтелями оазиса.

Далѣе дорога проходитъ почти до Іоль-отана по мѣстности, большею частью ровной; удобство ея, сравнительно съ дорогами, лежащими въ самомъ оазисѣ, заключается въ томъ, что она проходитъ по болѣе возвышенной мѣстности, вдали отъ каналовъ. По дорогѣ нѣсколько развалинъ укрѣпленій и два кладбища; въ нихъ надгробные камни, подобные употребляемымъ въ Персіи; надписи сохранились вполнѣ. Приближаясь къ Іоль-отану, встрѣтили развалины кирпичнаго робата, называемыя жителями по двумъ сохранившимся сводамъ Коша-гумбесъ. Дорога пересѣкаетъ нѣсколько сухихъ каналовъ, проводившихъ воду при существованіи Султанъ-бенда. Почти тотчасъ за развалинами мѣстность пересѣкается балками, глубиною отъ 3 до 5 сажень, а вблизи рѣчки одна изъ балокъ очень широка и представляетъ собою озеровидную котловину, вѣроятно произведенную дѣйствіемъ водъ рѣчки; впадина весьма глубокая (сажень 8—10); жители ее называютъ Гинду-кешъ, вслѣдствіе того, что здѣсь былъ убитъ индеецъ. Дорога переходитъ рѣку по широкому, удобному для проѣзда, хотя и весьма непрочному мосту, расположенному противъ обширныхъ развалинъ прежняго Іоль-отана.

Не смотря на дождь, намъ на встрѣчу выѣхали, за нѣсколько верстъ, вліятельные іоль-отанцы съ Сары-ханомъ и его сыномъ во главѣ, а при приближеніи къ мосту, привезли связаннаго афганца Ахметъ-шаха (одного изъ агентовъ, возбуждавшихъ мервцевъ); Сары-ханъ приказалъ его схватить и рѣшилъ отправить въ Асхабадъ къ русскимъ; Сіяхъ-пушъ, Каджаръ-ханъ и остальные успѣли бѣжать въ Мервъ, и ихъ видѣли утромъ рано на отамышской сторонѣ, близъ холма Гекъ-тепе.

Укрѣпленіе Іоль-отанъ расположено на возвышенности берега; въѣздъ отъ моста, крутой и при дождѣ, отъ скользкости грунта весьма неудобный, для насъ былъ посыпанъ свѣжей землей; оживленіе всего вышедшаго на встрѣчу населенія носило самый дружественный характеръ.

Вечеромъ Сары-ханъ очень хлопоталъ, чтобы заперли хорошенько ворота и приставили сторожей къ нашей кибиткѣ; впро-

чемъ вся обстановка ясно указывала, что надобности въ этомъ нѣтъ никакой, а дѣлалось это, чтобы мы замѣтили заботливость о насъ хана.

6-го марта. Приѣхавшіе утромъ люди подтвердили извѣстія о бѣгствѣ Сіяхъ-пуша въ Мервъ. Каджаръ-ханъ и другіе рѣшительно потребовали, чтобы онъ сталъ во главѣ мервскаго сопротивленія; не видя поддержки въ Іоль-отанѣ, скомпрометтированный своими обѣщаніями, онъ долженъ былъ согласиться и отправился попытать счастья. Свѣдѣнія объ агитаторахъ можно было считать вполне благопріятными относительно поѣздки въ Пенде и далѣе на югъ; но встрѣтились препятствія, которыхъ ранѣе нельзя было предвидѣть, а именно: нежеланіе Сары-хана и другихъ вліятельныхъ лицъ содѣйствовать моей поѣздкѣ. Происходило это вотъ по какимъ причинамъ: текинцы и другіе туркмены все еще не могутъ освоиться съ перемѣною, происшедшею въ ихъ положеніи послѣ взятія Гѣкъ-тепе: они никакъ не хотятъ вѣрить, что потеряли всякое значеніе въ средне-азіатскихъ дѣлахъ, что въ рѣшеніи вопросовъ, касающихся ихъ собственной судьбы, ихъ желаніе не играетъ почти никакой роли, а все дѣлается на основаніи независящихъ отъ нихъ неизбѣжныхъ обстоятельствъ. Не разъ приходилось мнѣ слышать отъ мервцевъ удивленіе по поводу того, что прежде изъ-за Мерва спорили нѣсколько падишаховъ, а теперь на нихъ никто не обращаетъ никакого вниманія. Персы отклоняютъ ихъ предложенія о подданствѣ; обѣщанія англійскихъ агентовъ только доказывали, что Англія ничего не можетъ сдѣлать; русскія власти требовали только спокойствія въ степи и не звали мервцевъ въ подданство. Эти послѣдніе не хотѣли вѣрить такому равнодушію; въ своемъ самообольщеніи они были убѣждены, что это все притворство. То же произошло въ Іоль-отанѣ относительно моей поѣздки въ Пенде. Ханъ пришелъ къ убѣжденію, что цѣль моей поѣздки—уговорить пендинцевъ перейти въ русское подданство. По ихъ мнѣнію, это былъ подвигъ, за который, конечно, совершившій его получить и „погоны“ (т. е. чинъ), и „деньги“, и потому было весьма желательно предупредить меня и сдѣлать все самимъ. Но туркмены весьма неловко лгутъ и интригуютъ; они выдали свои дѣйствительныя побужденія съ первыхъ же словъ и обмануть меня имъ не удалось. Я имъ выяснилъ мои дѣйствительныя намѣренія и сообщилъ, что не буду уговаривать пендинцевъ чтобы то ни было предпринять; если они желаютъ перейти въ русское подданство, то могутъ явиться въ Мервъ или Асхабадъ и тамъ имъ

будутъ объяснены условія, при которыхъ это можетъ состояться. Конечно, туркмены, всегда лживые въ дѣлахъ, мнѣ не повѣрили, но все же согласились меня снарядить въ путь; люди, которые со мною поѣдутъ, конечно, получаютъ награды, и нѣсколько сотъ крановъ, имѣвшихся въ виду, воодушевили аксакаловъ. Іоль-отанцы гораздо менѣе требовательны, чѣмъ мервцы; они еще не были избалованы, какъ эти послѣдніе, сношеніями съ русскими и англичанами. Надо было заставить меня взять поболѣе людей. Въ мое распоряженіе изъ Мерва было назначено 5 всадниковъ текинской милиціи, и отъ іоль-отанцевъ я просилъ 2—3 человѣкъ, хорошо знакомыхъ съ дорогами, необходимыхъ въ качествѣ проводниковъ и главнымъ образомъ для того, чтобы познакомить меня съ жителями Пендѣ и объяснить этимъ послѣднимъ, что поѣздка моя дѣлалась съ самыми дружескими намѣреніями. На маслагатѣ рѣшили, что, въ виду опасной дороги, мнѣ необходимо дать 12 всадниковъ. Лишніе люди могли только стѣснить меня и потому я объявилъ ханамъ, что 12 человѣкъ не возьму. Они обидѣлись. „Вы поступите какъ ходите, но лучше исполнить то, что рѣшено на маслагатѣ; если съ вами что-либо случится, намъ будетъ совѣстно“. Я, напротивъ, настаивалъ, что должно быть сдѣлано какъ я объяснялъ; случиться ничего не можетъ, да при 5 берданкахъ плохія ружья сарыковъ все равно пользы не принесутъ; наконецъ, мы согласились на половинѣ; меня будутъ сопровождать 6 человѣкъ, изъ нихъ два опытные проводника-сердаря. Покончивъ такимъ образомъ вопросъ о продолженіи путешествія, я отправился осматривать Іоль-отанъ. Сары-ханъ назначилъ для сопровожденія меня своего сына; разставаясь, онъ вынулъ изъ-за пояса пистолетъ и передалъ сыну—предосторожность совершенно лишняя въ виду вѣжливаго пріема, который намъ вездѣ оказывали; гораздо полезнѣе оказались нѣсколько плетей, которыми свита молодого хана удерживала на приличномъ разстояніи стаи мальчишекъ, собиравшихся отовсюду и надоѣдавшихъ своимъ шумомъ. Съ вершины полуразрушенной башни я сдѣлалъ съемку окрестностей; это нисколько не возбуждало неудовольствія въ комъ бы то ни было; всѣ удивились магнитной стрѣлкѣ, удивлялись, что она „боится“ желѣза и съ недоувѣріемъ улыбались на увѣренія моего переводчика, что кибла-наме служитъ для отысканія дорогъ. Мы осмотрѣли мостъ, перевозъ и ближайшія поселенія; затѣмъ я занялся разспросами о жизни, занятіяхъ и торговлѣ сарыковъ; для этого Сары-ханъ пригласилъ нѣсколько свѣдующихъ по всѣмъ этимъ вопросамъ людей.

Самъ Сары-ханъ обыкновенный туркмень безъ всякихъ претензій; носъ, какъ-бы перебитый посрединѣ, портитъ его лицо; этотъ недостатокъ здѣсь встрѣчается довольно часто. Обувь очень стѣсняетъ хана и онъ къ ней прибѣгаетъ только, когда этого требуетъ торжественность обстоятельствъ. Сынъ хана, глуповатый молодой человѣкъ, всѣмъ прислуживаетъ: главная его обязанность готовить кальянъ для являющихся поминутно гостей. Посреди кибитки очагъ съ углубленіемъ для пепла; при приѣмѣ почетныхъ гостей, чтобы избѣгнуть дыма, огонь поддерживается древеснымъ углемъ; обыкновенно же жгутъ просто кустарникъ, не обращая вниманія на дымъ.

7-го марта. Утромъ снова были получены извѣстія изъ Мерва. Каджаръ-ханъ и Сіяхъ-пушъ схвачены мервскими ханами и доставлены къ командиру войскамъ.

Я принялъ сдѣланное мнѣ наканунѣ евреями приглашеніе посѣтить ихъ лавки, и отправился къ нимъ безъ свиты отъ хановъ. Евреи здѣсь одни имѣютъ постоянныя лавки, всего отъ 15-ти до 20-ти; туркмены торгуютъ только въ базарные дни. Собрались меня встрѣтить всѣ почетные люди; семитическій типъ сохранился въ полной чистотѣ; не составляютъ отступленія изъ общаго правила и замѣчательно красивыя лица молодыхъ людей и быстро состарѣвшіеся, безобразные старики. Всѣ выразили свою радость по поводу прихода русскихъ: правда, за вѣру ихъ не преслѣдуютъ, не требуютъ перехода въ магометанство, но лишь только они достигнутъ извѣстнаго благосостоянія, ихъ непременно ограбятъ; вотъ и теперь ихъ недавно обобрали сарыкскіе ханы. Помогутъ ли имъ русскіе? Я пояснилъ, что въ разборъ старыхъ счетовъ входить нельзя; они должны быть окончены на основаніи прежнихъ обычаевъ; такъ сдѣлано и въ Мервѣ. Теперь, когда будутъ введены русскіе законы, грабить болѣе никто не станетъ. Съ другой стороны, едва ли есть въ степи хоть одинъ человѣкъ, который бы не нуждался въ прощеніи за прошлое и потому, лучше о томъ, что было, позабыть; достаточно, что новые законы и новыя власти ручаются за будущее. Въ это время нагрянули люди Сары-хана; они узнали, куда я пошелъ и боялись, какъ бы евреи не начали жалобъ; они услышали мои слова и были, очевидно, довольны ими. Евреи прекратили жалобы и начали общій разговоръ. Еврей-купецъ почти всѣ бывали въ Бухарѣ, въ Самаркандѣ, въ Индіи; воспитаніе они получаютъ въ Гератѣ, гдѣ у нихъ есть двѣ свои школы; объ Европѣ понятіе имѣютъ болѣе ясное, нежели туркмены; интересуются

свѣдѣніями о своихъ единовѣрцахъ; знаютъ о Ротшильдѣ: онъ даетъ въ займы деньги самому калифу. На прощаніе одинъ старикъ улучилъ минуту, чтобы предупредить меня по секрету, что еще вчера вечеромъ поскакалъ въ Пенде одинъ человекъ, дать знать афганскимъ властямъ о моемъ намѣреніи туда пріѣхать и что въ Іоль-отанъ часто пріѣзжаютъ афганцы и сарыки, по порученію англичанъ, узнавать новости о русскихъ.

Весь вечеръ ханы писали прошеніе съ просьбою о принятіи іоль-отанцевъ въ русское подданство; старшины прикладывали печати; выступленіе было назначено на слѣдующее утро. Сарыханъ съ выборными отъ племенъ отправились въ Мервъ, захвативъ съ собою плѣннаго Ахметъ-шаха, я, съ назначенною мнѣ свитою — въ Пенде.

8-го марта. Мои люди собирались весьма лѣниво и только въ 9 часовъ я могъ распротиться съ своими хозяевами. Сарыхану я подарилъ 50 крановъ. Наканунѣ я спрашивалъ, какъ лучше поступить: купить ли хану какой-либо подарокъ или дать деньги. Отвѣтъ былъ: „туркмены люди бѣдные, деньги всегда пріятнѣе“. Это можетъ быть принято за общее правило, въ Іоль-отанѣ, даже болѣе чѣмъ гдѣ либо; населеніе здѣсь очень бѣдное; породистыхъ лошадей вовсе не видно; оружіе самое жалкое, даже у хановъ. Мы выступили въ четвергъ, т. е. базарный день, и проѣхали черезъ базаръ: народу много и версты $1\frac{1}{2}$ насъ провожали, желая поближе разсмотрѣть. На базарѣ продавали нѣсколько плохихъ лошадей, говядину, сѣно, колючку для топлива, кошмы и кое-гдѣ грубая полотно іоль-отанскаго производства.

Выйдя изъ укрѣпленія, дорога идетъ сначала вдоль, а потомъ между двухъ параллельныхъ арыковъ; каналы здѣсь называются не арыкъ, а ноу-хана (т. е. новый домъ, новое помѣщеніе). Это два главные арыка, служація для орошенія іоль-отанскаго оазиса Пески проходятъ на западъ отъ нихъ, въ разстояніи отъ 100 до 400 сажень, и вся ширина орошенной полосы между песками и рѣкою нигдѣ не болѣе $1\frac{1}{4}$ —2 версты; то же и съ другой стороны рѣки. По дорогѣ развалины старыхъ укрѣпленій, нынѣ не возобновляемыхъ.

Дорога пригодна для движенія верблюдовъ, а тѣмъ болѣе для всадниковъ; черезъ каналы вездѣ мостики для вьючнаго движенія; колесную дорогу съ большею выгодною можно провести ближе къ пескамъ, причемъ минуются обработанныя поля и каналы. Въ мартѣ вода еще не была пущена во второстепенные каналы, большая часть которыхъ чистилась.

Отъ Іоль-отана всего 9 верстъ до селенія Курджукли, гдѣ мы рѣшились ночевать.

Распростившись съ сыномъ Сары-хана, провожавшимъ меня до этого селенія, я отправился осмотрѣть находящіяся въ 8 верстахъ далѣе на югъ на правомъ берегу Мургъ-аба развалины когда-то снабжавшей древній Мервъ плотины Султанъ-бендъ; хотя я приказалъ ѣхать со мною только двумъ текинцамъ и 2 сердарямъ-сарыкамъ, но сопровождавшіе меня текинцы стали проситься всѣ, не желая остаться одни съ сарыками. Конечно, я запретилъ это, чтобы не выказывать недовѣрія сарыкамъ и поручилъ моихъ спутниковъ хозяину. Проѣхавъ вдоль берега рѣки около 3 верстъ, мы переправились на правую сторону Мургъ-аба въ бродъ. Течение было довольно сильное; вода по брюху лошади; отъ бывшихъ дождей вода быстро прибывала: по словамъ жителей Курджукли, еще наканунѣ вода была только по колѣна лошади. Выбравшись изъ русла, мы поѣхали вдоль него, то приближаясь къ рѣкѣ, то удаляясь отъ нея для спрямленія извилинъ рѣки и наконецъ выѣхали на большую дорогу изъ Мерва въ Пенде. Мѣстами видѣнъ Шехръ-ноу-кана, иначе Султанъ-ябъ, т. е. каналъ, проводившій воду къ Байрамъ-али отъ Султанъ-бенда; мѣстами онъ весьма хорошо сохранился, хотя впрочемъ откосы весьма крутые и земля свалена тутъ же по берегамъ. На 3 верстѣ отъ брода окопы (хандекъ) Медемій-хана. При движеніи на Пенде отъ Мерва, ханъ вездѣ въ мѣстахъ остановокъ дѣлалъ окопы вокругъ лагеря; слѣды ихъ сохранились по всей дорогѣ.

Осмотрѣвъ Бендъ-и-султанъ, на обратномъ пути, приближаясь къ рѣкѣ, мы увидѣли, что во время нашего 3-хъ часового путешествія вода еще поднялась фута на 1¹/₂; хотя и удалось отыскать бродъ по половину корпуса лошади, но течение было настолько сильно, что сносило лошадей, и мы всѣ вымокли. Къ нашему возвращенію уже всюду было извѣстно о моемъ приѣздѣ; на стѣнахъ развалинъ, на буграхъ, на крышахъ сакль всюду собрались люди разсматривать перваго заѣхавшаго къ нимъ френги. Собрались около аула моего хозяина, кибитка была мгновенно продыравлена въ нѣсколькихъ мѣстахъ, чтобы можно было заглядывать внутрь. Для меня развели большой костеръ и стала просушивать вымокшее при переправѣ платье. Стали собираться гости, все очень любезные, добродушные люди; видно было, что въ Іоль-отанѣ приходу русскихъ радовались болѣе искренно, нежели въ Мервѣ.

Вчерашній лавочникъ-еврей также прибылъ въ Курджукли и

старался пуститься въ секреты, но и тутъ старшины ему все мѣшали, не оставляя его со мною наединѣ ни на минуту. Двое изъ пришедшихъ старшинъ стали меня увѣрять, что уже ранѣе видѣли меня въ Мервѣ, именно тотчасъ по взятіи Гѣкъ-тепе, когда ханомъ былъ Каджаръ; только тогда я будто бы выдавалъ себя за инглиза. Они меня принимали за О'Донована; по словамъ моего переводчика, эти старшины не одни такого мнѣнія: въ Асхабадѣ многіе текинцы убѣждены въ томъ же: они находятъ, что я очень похожъ на инглиза; прибыль же я въ Асхабадъ осенью 1881 г., какъ разъ послѣ отъѣзда О'Донована изъ Мешхеда, и затѣмъ постоянныя мои поѣздки по новымъ мѣстамъ — по словамъ текинцевъ — въ чужіе народы, куда прежде не заѣзжали френги, все это окончательно доказывало мое тождество съ инглизомъ. Еще въ Асхабадѣ говорили моему переводчику: „хорошъ твой баринъ, въ Мервѣ всѣмъ обѣщаль покровительство своей императрицы, въ Мешхедѣ увѣрять, что ѣдетъ въ Гиндъ, а самъ повернулъ въ Асхабадъ“. Я смѣялся надъ проницательностью старшинъ, но это ихъ нисколько не убѣдило, да и не обидѣло; они стояли на своемъ, и въ Мервѣ меня любили за то, что я человекъ веселый: того кто смѣется, туркмены всегда будутъ любить.

9-го марта. Отъ Курджукли до Бендъ-и-казахлы (39 в.) и до Чѣпли-тепе (еще 9 верстъ). Вблизи Курджукли пески весьма близко подходятъ къ дорогѣ, которая въ 3 верстахъ далѣе входитъ въ нихъ и на протяженіи 18 верстъ съ небольшими перерывами идетъ то по невысокимъ буграмъ, то по самому урѣзу песковъ; между песками и рѣкою вездѣ не менѣе 1^{1/2}—2 верстъ орошенной земли, дорога пересѣкаетъ пески частью для спрямленія пути, частью для избѣжанія необходимости пересѣкать каналы и арыки, которые, для уширенія орошенной полосы, подходятъ къ самымъ пескамъ. Пески, поросшіе кустарникомъ, для вьючнаго движенія не представляютъ никакого затрудненія; но бугры все же отъ 2 до 6 саж. и колесную дорогу пришлось бы провести ближе къ рѣкѣ, что потребовало бы только устройства довольно значительнаго числа мостиковъ.

На 11 верстѣ отъ Курджукли лежатъ развалины Чаръ-багъ — граница обрабатываемой полосы Іоль-отанскаго оазиса: далѣе на югъ сарыки не осмѣливались распространяться.

На 22 верстѣ дорога вышла изъ песковъ и далѣе пошла по однообразной мѣстности; пески то приближаются къ рѣкѣ отдѣльными мысами, то удаляются отъ нея, образуя рядъ заливовъ, на-

зываемыхъ кѣвъ; первый изъ нихъ, Ходжа-кѣвъ, около 2 верстѣ длиною. Дорога идетъ главнымъ образомъ по кѣвъ, лишь пересѣкая мысы, которые нигдѣ не шире 50—100 сажень.

Въ высокую воду многіе заливы покрываются водою и тогда, по спадѣ ея, сарыки засѣваютъ ихъ арбузами и дынями.

За 4-ю верстою отъ Бендѣ-и-Казахлы, на правомъ берегу, расположены развалины Баба-Кемберъ—нѣсколько надгробныхъ памятниковъ и робать близъ гробницы слуги Алія, Кембера.

Миновавъ Бендѣ-и-Казахлы, пошли вдоль рѣки. Кѣвъ стали тутъ гораздо длиннѣе: верстѣ до 6 между отдѣльными кѣвъ дорога идетъ по пескамъ двѣ, три и болѣе верстѣ для спрямленія пути. У невысокаго бугра Чѣпли-тепе, въ 7 верстахъ на югъ отъ Казахлы, обыкновенно останавливаются проходящіе караваны; здѣсь близко вода, есть кормъ и топливо.

Вечеромъ ко мнѣ явились два старшіе изъ моихъ спутниковъ сарыковъ: Сеизъ-батыръ изъ племени сукты и Пата-сердаръ-байраджъ. Они по секрету объяснили мнѣ, что всѣ свѣдѣнія, сообщенныя ханами въ Іоль-отанѣ, ложь; сарыки примутъ меня хорошо; правда, при выступленіи нашемъ изъ Карры-бенда всѣ заволновались, но, узнавъ о занятіи Мерва, успокоились; ханы отправили нѣсколько старшинъ въ Пенде для переговоровъ съ жителями о переходѣ ихъ въ русское подданство; старшины должны были обогнать меня по дорогѣ, но едва ли успѣютъ это сдѣлать, такъ какъ лошади у нихъ плохія. Мои проводники уговаривали меня ѣхать въ Пенде; оказывалось, Сеизъ и Пата задумали явиться ранѣе посланныхъ въ Іоль-отана и попробовать, пользуясь моимъ присутствіемъ, уговорить сарыковъ послать депутатовъ въ Мервъ, въ расчетѣ на великія награды за этотъ подвигъ. Отказавшись принять участіе въ интригѣ, я согласился на поѣздку въ Пенде и остановку на одинъ или 2 дня въ оазисѣ, такъ какъ это вполне сходилось съ моими намѣреніями.

10-го марта. Отъ Чѣпли-тепе до Сары-язы—46 верстѣ. Пески между кѣвами пересѣкаются на значительномъ протяженіи; для колесной дороги ихъ потребовалось бы обойти, впрочемъ не очень приближаясь къ рѣкѣ, такъ какъ постепенные подмывы берега, именно у мысовъ,—одна изъ причинъ отклоненія дороги въ пески. Для желѣзной дороги пески эти не представляли бы никакого затрудненія, они всѣ довольно плотны и поросли кустарникомъ. Самые кѣвы здѣсь покрыты густымъ кустарникомъ саксаула и гребенщика, высотой болѣе лошади со всадникомъ.

Въ 10 верстахъ отъ Чѣпли-тепе мысъ Келе-бурунъ; близъ него хорошій бродъ, впрочемъ, какъ и всѣ броды на Мургъ-абѣ, доступный только въ низкую воду; у Келе-буруна отдѣляются дороги въ Афганскій Туркестанъ съ одной стороны и въ Кююнъ-куи и Денмезъ, съ другой. Противъ Келе-буруна, на правомъ берегу, песчаные бугры смѣняются твердыми глиняными возвышенностями съ пологими скатами. По нимъ идетъ дорога, которая безъ труда можетъ быть раздѣлана въ колесную; только противъ Сары-язы бугры Кушле-кая очень круты и лежащая у подножія ихъ дорога заливаема высокими водами; на это время пользуются узкою тропинкою, проходящею поверхъ обрывовъ. Впрочемъ большая дорога изъ Пенде по правому берегу идетъ на востокъ отъ бугровъ и подходитъ къ рѣкѣ лишь у Баба-кемберъ, пройдя безводный переходъ около 100 верстъ.

Въ 1^{1/2} часахъ ѣзды отъ Келе-бурунъ (8^{1/2} верстъ) расположены развалины, называемыя Имамъ. Здѣсь очень обширное кладбище близъ гробницы двухъ святыхъ; на могилахъ камни съ весьма красивыми персидскими надписями и, кромѣ того, незатѣйливыя приношенія туркменъ: нѣсколько чираковъ, и болѣе всего куски палокъ, вѣтки, тряпки. Кромѣ гробницъ святыхъ здѣсь много могилъ людей, погибшихъ отъ аламановъ. Въ прежнее время дорога изъ Мерва въ Пенде считалась самою опасною во всей степи: и дѣйствительно, почти нѣтъ версты, гдѣ не было бы одной, двухъ могилъ; палки съ тряпками указываютъ, что это все жертвы аламановъ; большею частью пастухи, кушцы. „Шагитъ“, говорятъ, проѣзжая, туркмены. Недалеко отъ могилъ близъ рѣки развалины хоузы и большого робата Абдула-хана; когда-то это было прекрасное зданіе, но построено оно безъ прочнаго фундамента и потому, не смотря на превосходный матеріаль (весьма хорошо выжженный кирпичъ) и толщину стѣнъ, все въ трещинахъ и разваливается. Кромѣ того здѣсь нѣсколько болѣе древнихъ развалинъ, представляющихся въ видѣ оплывшихъ возвышенностей, изъ которыхъ лишь кое-гдѣ выступаютъ остатки стѣнъ; кирпичъ отъ развалинъ идетъ на покрытіе новѣйшихъ могилъ.

Вообще, по всей долинѣ Мургъ-аба, кромѣ мѣстности у Юльотана, много развалинъ: видно когда-то эта мѣстность была очень оживлена и теперь, когда возстановлено въ краѣ спокойствіе, не можетъ подлежать сомнѣнію возрожденіе всего пути; вообще берега Мургъ-аба гораздо удобнѣе для заселенія, нежели берега Гери-руда.

Близъ Имама встрѣтили 7 человекъ, возвращавшихся съ ала-

мана. По словамъ разбойниковъ, они выступили изъ Іоль-атана еще до поѣздки мервскихъ старшинъ въ Асхабадъ; предводитель былъ Ана-нефесъ изъ племени мджеуръ; съ ними было до 30 человекъ разныхъ племенъ; направились въ Сеистанъ. По словамъ встрѣченныхъ нами людей, аламанъ былъ неудаченъ: персы были предупреждены и разбойникамъ пришлось вернуться. Въ Пенде они узнали о занятіи Мерва и рѣшили разойтись по домамъ, самъ Ана-нефесъ съ остальными людьми остался отдыхать у переправы Юнгенлы. Бывшіе со мною текинцы очень встревожились, они не довѣряли даже сопровождавшимъ насъ сарыкамъ и находили соседство сырыкского алламана крайне опаснымъ; объясненіе происходило все время не опуская ружей и затѣмъ текинцы совѣтовали весь день, не растягиваясь, двигаться всѣмъ вмѣстѣ. Оказалось, что боятся не одни текинцы; нашимъ сарыкамъ едва удалось остановить бѣгство отъ насъ пастуховъ: они насъ приняли за разбойниковъ изъ Мерва и стали гнать въ воду барановъ и сами хотѣли броситься переплывать Мургъ-абъ. На вопросъ, развѣ такъ можно спастись отъ разбойниковъ, они отвѣчали, что „душа дороже барановъ“, что они вышли, рассчитывая на водвореніе спокойствія по занятіи Мерва, а увидѣвъ не караванъ, но вооруженныхъ людей, испугались и потеряли голову.

Сары-язы—хорошо сохранившіяся развалины укрѣпленій близъ рѣки, противъ весьма обширнаго кѣва, на которомъ много болѣе или менѣе древнихъ развалинъ укрѣпленій, башенъ, слѣды каналовъ и кѣризовъ; мѣстность покрыта высокимъ кустарникомъ.

На ночлегъ текинцы отказались стать, по указанію Пата-сердаря, у дороги; они выбрали открытое мѣсто—въ сторонѣ отъ нея, съ такимъ расчетомъ, чтобы близко нельзя было подобраться незамѣченными, и сами рѣшились дежурить около лошадей по три человека всю ночь. Сарыки всю ночь не спали, отчасти по причинѣ близости Ана-нефеса, но главная причина ихъ безпокойства была другая: они меня уговаривали ѣхать въ Пенде, а по словамъ текинцевъ, сами не были убѣждены, какъ меня примутъ. Всю ночь слышались ихъ совѣщанія; наконецъ, на разсвѣтѣ, Сеизъ-батыръ, какъ богатый житель Пенде, имѣющій тамъ много родственниковъ, поѣхалъ впередъ приготовить мнѣ встрѣчу и просилъ меня не ѣхать далѣе Юнгенлы, пока онъ съ ханами не выѣдетъ ко мнѣ. Я, напротивъ, былъ совершенно спокоенъ въ отношеніи приѣма въ Пенде: занятіе Мерва, конечно, произвело большое впечатлѣніе въ степи; такіе факты всегда имѣли послѣдствіемъ болѣе или менѣе

продолжительный періодъ страха и нерѣшительности, во время котораго можно всюду проникнуть совершенно безопасно.

11-го марта. Отъ Сары-язы до Дашъ-кѣпри 40 верстѣ. Дорога идетъ то по берегу рѣки, то въ пескахъ; рѣка сильно размываетъ берегъ и во многихъ мѣстахъ дорога дѣлаетъ большіе изгибы, чтобы обойти такіе подмывы; еще видна тропинка прежде бывшей болѣе прямой дороги, упирающаяся въ обрывъ новаго берега.

На 16-й верстѣ отъ Сары-язы проводники указали мѣсто, гдѣ соединенныя силы туркменъ разныхъ племенъ ждали Медемій-хана и были имъ разбиты.

На 20-й верстѣ пески удалились на западъ, образуя кѣвъ длиною въ 13 верстѣ; поверхность его на 2—3 сажени выше рѣки; здѣсь скоро показались посѣвы, а потомъ и большіе каналы, проводящіе сюда воду отъ Дашъ-кѣпри; по сосѣднимъ холмамъ паслись стада.

На 26-й верстѣ, у Юнгенлы, мы стали ожидать встрѣчи. Подѣхавшій сарыкъ объяснилъ, что о моемъ приѣздѣ въ Пенде уже извѣстно; сначала жители были недовольны, но когда имъ объяснили, что я не имѣю никакихъ дурныхъ намѣреній, то успокоились и теперь меня примутъ хорошо.

Близко къ Пенде разбойники другихъ племенъ подходятъ рѣдко и потому пастухи удаляются отъ Дашъ-кѣпри на 10—15 верстѣ, впрочемъ, всегда вооруженные ружьями и шашками: угнать барановъ не могутъ, такъ какъ, расположенные по близости, караулы всегда нагоняютъ и отобьютъ стадо, а отдѣльныхъ людей увезти могли-бы.

Здѣсь мы узнали, что сарыки насъ обманули насчетъ результатовъ аламана: онъ вовсе не былъ неудаченъ; разбойники напали на одну изъ пограничныхъ деревень, взяли въ плѣнъ 12 персовъ и теперь продали ихъ племени гѣрзеки, которое пользуется самою плохую репутаціею даже между сарыками; остальные племена считаютъ ихъ выдающимися ворами.

Такъ какъ Сеизъ-батыръ не ѣхалъ съ условленной встрѣчей, то я рѣшилъ двинуться впередъ. Отъ Юнгенлы уже все время идутъ пашни, дорога извивается вправо и влѣво, избѣгая обвалившихся береговъ; во многихъ мѣстахъ обвалы происходятъ, такъ сказать, на глазахъ, особенно близъ впаденія р. Кушка, по берегу ея; тутъ трещины въ землѣ указываютъ на части берега, готовые упасть. Русло Кушка подошло къ бывшему здѣсь каналу, который отнесенъ на западъ.

На 3-й верстѣ отъ Юнгенлы выступаетъ впередъ мысь Баба-

бурунъ; пески за нимъ уходятъ на западъ отъ дороги, версты на 3—4.

Бугоръ Акъ-тепе находится между Кушкомъ и Мургъ-абомъ, а не на лѣвомъ берегу первой рѣки, какъ это указано на картѣ Уокера; на этой же картѣ неправильно показано на Кушкѣ два моста: есть только одинъ, именно, Дашъ-кѣпри, близъ Акъ-тепе, недалеко отъ впаденія Кушка въ Мургъ-абъ. Дашъ-кѣпри служитъ одновременно акведукомъ и мостомъ, впрочемъ, для проѣзда особыхъ панелей нѣтъ, а всадники движутся по самому руслу канала въ водѣ, доходящей до колѣнъ лошади.

Недалеко, не доѣзжая моста, навстрѣчу выѣхали старшины, народъ, очевидно, богатый, чисто одѣтый, на хорошихъ лошадяхъ; контрастъ съ Юль-отаномъ полный. Первое поселеніе племени сукты въ 1¹/₂ вестахъ отъ моста. Весь треугольникъ между Кушкомъ и Мургъ-абомъ сажень на 5—10 выше долины рѣки; почти у моста дорога взбирается на это возвышеніе, близъ кладбища, гдѣ погребень какой-то святой, и потомъ идетъ по ровному мѣсту; на всемъ возвышеніи нѣтъ ни одного дерева или куста; все вырублено на топливо; садовъ же сарыки не разводятъ. По обстановкѣ ауловъ видно, что здѣсь весь народъ долженъ быть очень и очень состоятельный: кибитки новыя, чистыя, у cadaго хозяина ихъ по нѣсколько.

Меня пригласилъ къ себѣ одинъ изъ старшинъ; отвели мнѣ чистую новую кибитку, убранную хорошими коврами: по туркменскимъ понятіямъ очень роскошное помѣщеніе. Приступили къ разведенію костра: какъ бы ни была велика жара, при пріѣздѣ гостя, это считается обязательнымъ. Впрочемъ хозяинъ не скрывалъ своего удовольствія, когда я отъ костра отказался: дрова приходится привозить изъ Калеи-моръ и отъ Чемень-и-бида, и стоятъ онѣ очень дорого.

Отдохнуть мнѣ дали не болѣе ¹/₄ часа; затѣмъ начались визиты. Интересно было слушать этихъ разбойниковъ; по ихъ словамъ выходило, что сарыки никогда не нападали ни на кого; напротивъ, они терпѣли отъ всѣхъ: кто жаловался на эрсарей, угнавшихъ 2000 барановъ, кто на Али-Мерданъ-хана, отбившаго сарыкскихъ верблюдовъ, кто на персидскихъ всадниковъ, увезшихъ двухъ женщинъ и ребенка; всѣ находили справедливымъ, чтобы Бѣлый Царь ихъ защитилъ и еще болѣе справедливымъ, что разъ русскіе заняли Мервскій оазисъ, должны вернуть его сарыкамъ, отцы которыхъ владѣли этою землею. Но при этомъ они желали бы

сохранить свою независимость, или другими словами, право грабить своихъ сосѣдей. Это разъяснилъ мой хозяинъ; онъ глухой старикъ и считается у сарыковъ ораторомъ, т. е. кричитъ страшно, говоритъ пустыя громкія фразы, что очень нравится слушателямъ. Онъ началъ кричать: „Сарыки желаютъ одного спокойствія; имъ нуженъ Адиль-падишахъ¹⁾, который бы водворилъ миръ и порядокъ въ краѣ; пусть русскіе придутъ въ Пенде; сарыки съ радостью имъ подчинятся; но теперь это невозможно. Положимъ, они пойдутъ къ генералу въ Мервъ, но это далеко, а афганцы близко и убьютъ ихъ женъ и дѣтей. Хорошо ли это?“ Было ясно, что мои спутники успѣли убѣдить, что я прибылъ присоединять сарыковъ. Я успокоилъ хозяина: „Ни въ Мервъ, ни въ Асхабадъ жителей Пенде никто не зоветъ; они никому не нужны; русскіе, также какъ старикъ говорилъ про сарыковъ, желаютъ одного—спокойствія и съумѣютъ прекратить разбой. Юль-отанцы сами просились въ подданство Россіи, потому что поняли, что иначе они существовать не могутъ. Если пендинцы когда-либо придутъ къ тому же убѣжденію, то сами будутъ просить русскаго покровительства, въ которомъ, быть можетъ, Царь и не откажетъ имъ; во всякомъ случаѣ, звать ихъ никто не станетъ. Теперь пусть будутъ независимы, но помнить, что кто будетъ разбойничать, не минуетъ строгаго наказанія“. Хозяинъ, очевидно, не ожидалъ такого отвѣта и потому тотчасъ перемѣнилъ тонъ и предупредилъ, что между гостями есть лица, которыя могутъ донести афганцамъ, и потому онъ позже будетъ говорить откровеннѣе. Впрочемъ, и это послѣднее онъ сказалъ настолько громко, что слышали не только бывшіе въ кибиткѣ, но и толпа, собравшаяся кругомъ ея и принимавшая все время участіе въ нашемъ разговорѣ своими замѣчаніями и возраженіями. Туркмены такъ кричатъ, что войлоки кибитки не составляютъ препятствія для такого обмѣна мыслей. Вечеромъ я подтвердилъ сказанное прежде старшинѣ, и просилъ только снарядить меня для путешествія на западъ; мои текинцы, только бы быть подалѣе отъ афганцевъ и сарыковъ, находили лучшимъ путемъ для возвращенія въ Мервъ направленіе черезъ Акъ-робать, Коюнъ-куи и Шоръ-кала, а предложи я эту дорогу въ Мервъ, они навѣрно ее признали бы непроходимую вслѣдствіе безводія.

Явившіеся съ поклономъ мервцы рекомендовались торговцами лошадей; теперь спокойно, и они явились въ Пенде торговать, впро-

¹⁾ Справедливый.

чемъ, интересовались они совсѣмъ иными вопросами, судя по которымъ ихъ можно было скорѣе принять за бѣжавшихъ изъ Мерва разбойниковъ: „Пошлютъ ли Сіяхъ-пуша въ Сибирь? Что ждетъ тѣхъ, которые сопротивлялись русскимъ, а теперь явятся съ повинною къ генералу? Придутъ ли еще войска въ Мервъ?“ Они говорили съ озлобленіемъ, не скрывали сожалѣній о старомъ, но сознались, что люди, бывшіе въ Москвѣ на торжествахъ коронаціи, знаютъ, что, въ случаѣ надобности, можетъ быть прислано очень много войска. „Впрочемъ, если вы не будете бить народъ, не будете съ него брать много податей, то больше войска не требуется, народъ не возстанетъ“, сказали они на прощанье.

12-го марта. Съ утра стали являться старшины и почетныя лица; между ними явился одинъ персъ, взятый въ плѣнъ еще во время похода принца Гамза-мирза; теперь персъ женился и какъ человѣкъ умный и сравнительно очень образованный, пользуется вліяніемъ среди дикарей туркменъ.

Сарыки съ гордостью говорятъ, что у нихъ нѣтъ укрѣпленій. Калы Кѣгне-Пенде и Таза-Пенде обѣ были въ развалинахъ, когда сюда явились сарыки, и они не пробовали ни возобновлять старыя, ни строить новыя укрѣпленія. Таза-Пенде салорское укрѣпленіе, брошенное не задолго до прихода сарыковъ. Кѣгне-Пенде современно акведуку Дашъ-кѣпри; какъ объ томъ, такъ и о другомъ жители имѣютъ самыя смутныя свѣдѣнія, постройку ихъ приписываютъ арабамъ. Кѣгне-Пенде я посѣтилъ; укрѣпленіе близъ берега Мургъ-аба; стѣны обвалились и видны лишь мѣстами, уцѣлѣла лучше другихъ частей цитадель, состоящая изъ сводчатыхъ построекъ, мѣстами хорошо сохранившихся. Затѣмъ кругомъ остатки отдѣльныхъ построекъ, все изъ обожженнаго кирпича. Цитадель довольно хорошо раскопана: тамъ случайно были найдены 100 тилла золота; евреи купили и переплавили; съ тѣхъ поръ жители все раскапываютъ развалины; я засталъ за такою же работою двухъ человѣкъ; у одного я купилъ мѣдную монету (кара-пуль), найденную имъ здѣсь.

Затѣмъ много говорятъ о таинственной пещерѣ, находящейся въ холмахъ, окаймляющихъ Пендинскій оазисъ съ юга; длинный горизонтальный ходъ ведетъ къ обширной пещерѣ въ видѣ кибитки, изъ которой идутъ ходы въ разныя стороны; далѣе первой пещеры никто не рисковалъ идти, ибо огонь задуваютъ пѣтухи безъ перьевъ (летучія мыши), которыхъ въ пещерѣ очень много.

По оазису я разъѣзжалъ съ однимъ текинцемъ, переводчикомъ

и сарыкомъ Пата-сердаремъ; вездѣ меня принимали вѣжливо и только надоѣдали туркменскимъ любопытствомъ. Аксакалы, посланные юль-отанскими старшинами для переговоровъ съ пендинцами, прибыли только въ этотъ день; съ ними прибылъ и караванъ съ товарами; передовой верблюдъ имѣлъ большой колоколь и далеко извѣщалъ о приближеніи каравана. Люди стали увѣрять, что прежде колоколь подвѣшивался только пройдя Дашъ-кѣпри; теперь же русскіе водворили спокойствіе и колоколь звонитъ всю дорогу отъ самаго Юль-отана; теперь никто не страшень, скрывать нечего. Въ виду опасности, караваны ходили здѣсь рѣдко, съ большими предосторожностями и прибытіе ихъ составляло цѣлое событіе, объ немъ говорили всѣ въ оазисѣ. Ко мнѣ пришли просить подолѣе остаться въ Пенде: жители желали переговорить со мною подробно. Я отказался, такъ какъ не уполномоченъ на переговоры: если это кому либо нужно, можетъ явиться въ Асхабадъ. Теперь уже всѣ наперерывъ заявляли о чувствахъ преданности Россіи: только страхъ афганцевъ ихъ удерживаетъ, но они очень желаютъ прихода русскихъ; если они получаютъ приказаніе, такъ готовы бросить Пенде и идти куда скажутъ. Я ихъ предостерегалъ отъ такого неосторожнаго поступка: лучше немного потерпѣть; бросятъ они свои земли, ихъ займутъ другіе, а по умиротвореніи края потребуется не уменьшеніе количества земли и воды, а увеличеніе ея.

13-го марта. Отъ Дашъ-кѣпри до Калеи-моръ 44 версты. Провожать меня собралось очень много народа; впрочемъ это меня нисколько не стѣсняло дѣлать съемку: у Дашъ-кѣпри, въ ожиданіи своихъ текинцевъ, я стоялъ съ бусолью около $1/2$ часа и всѣ наперерывъ старались мнѣ указать, что было интереснаго въ окрестностяхъ; затѣмъ повезли показать начатыя работы новаго канала.

Въ 10 верстахъ отъ Дашъ-кѣпри вступили на долину Кушка, огражденную съ обѣихъ сторонъ буграми, слѣва песчаными, а справа глинистыми. Гдѣ мѣстность позволяетъ, вездѣ выведены арыки и сдѣланы посѣвы; ширина долины нѣсколько сотъ сажень и рѣдко доходитъ до одной версты. Мѣстность до Калеи-моръ сравнительно безопасна, въ виду близости ея къ Пенде; тутъ часто встрѣчались одиночные всадники, впрочемъ всѣ вооруженные; по холмамъ пасутся стада; много верблюдовъ и ословъ свозятъ колючку и кустарникъ изъ-подъ Калеи-моръ въ Пенде.

На 34 верстѣ есть родникъ солоноватый, но въ весьма слабой степени, и имъ пользуются для орошенія. Каналы стѣсняють дорогу на бугры лѣваго берега, часто весьма крутые и затрудняю-

щіе движеніе; впрочемъ проведеніе дороги по ровному, хорошему мѣсту — есть вопросъ устройства нѣсколькихъ мостиковъ черезъ каналы.

14-го марта. Отъ Калеи-моръ до Чемень-и-бида 30 верстъ и далѣе до Ислимъ-чимше 19^{1/2} верстъ. У Калеи-моръ дорога расширяется. Самая крѣпость — кирпичныя развалины; часть стѣнъ ея и башни стоятъ; кругомъ, очевидно, были поселенія и дома, отъ которыхъ остались только груды кирпича; невдалекѣ брошенный кѣризь. Близъ укрѣпленія пески уходятъ на западъ, верстъ на 6 или болѣе ихъ не видно; далѣе идутъ уже съ обѣихъ сторонъ баиры (бугры) изъ глины съ постройками гравія, скрѣпленнаго весьма крѣпкимъ цементомъ. Долина у Калеи-моръ очень широка; каналы для орошенія проведены издалека.

На 19-й верстѣ развалины хоуза, называемыя Хоузъ-и-ханъ; близъ нихъ въ 30-хъ годахъ настоящаго столѣтія произошла битва между джемшидами и хазаре; Дервишъ — ханъ джемшидскій — былъ убитъ. Близъ хоуза кладбище; два камня съ надписями сохранились вполнѣ. Далѣе по долину два небольшія укрѣпленія, построенныя земледѣльцами сарыками, приходившими сюда для работъ. Здѣсь уже дорога считается весьма опасною; караваны почти не ходятъ: обширное кладбище у Чемень-и-бида все занято жертвами набѣговъ. При нашемъ приближеніи люди бросились въ укрѣпленіе и знаками показывали, чтобы мы не приближались, угрожая стрѣлять. Послѣ долгихъ колебаній Пата-сердаръ рѣшился выѣхать, но и его близко не допускали, такъ какъ его никто лично не зналъ, а сарыка отъ мервца не отличишь; наконецъ, только мой костюмъ ихъ успокоилъ.

До Калеи-моръ дорога шла исключительно по лѣвому берегу рѣки; тамъ тонкій грунтъ позволяетъ переправляться черезъ нее только въ немногихъ пунктахъ, не смотря на неглубокую воду; напротивъ, выше Калеи-моръ, грунтъ хрящеватый, плотный и дорога нѣсколько разъ переходитъ съ одного берега на другой.

Послѣ двухчасоваго привала на берегу Кушка мы переправились черезъ него въ послѣдній разъ и пошли на юго-западъ въ Ислимъ-чимше; дорога все время идетъ по оврагу соленого ручья, пересѣкая его много разъ; ручей впадаетъ въ рѣку Кушкъ противъ Чемень-и-бида. Вода самага родника Ислимъ прѣсная, но смѣшиваясь съ протекающею сверху соленою, уже въ 10 саженьяхъ отъ выхода становится негодною для питья. Туркмены увѣряютъ, что вода становится соленою отъ грунта, по которому течетъ.

Ислимъ-Чишме не единственный прѣсный родникъ на берегу соленого ручья; ихъ здѣсь нѣсколько; въ случаѣ надобности, они легко могутъ быть отдѣлены и вода ихъ собрана въ хоузы.

Баиры (бугры) съ обѣихъ сторонъ долины очень невысоки; грунтъ справа чисто глинистый, слѣва съ примѣсью песка, но весьма плотный и не представляетъ никакихъ затрудненій для движенія.

Кустарникъ и даже отдѣльныя деревья, встрѣчавшіяся между Калеи-моръ и Чемень-и-бидъ, снова исчезли; для топлива служить здѣсь только колючка; вдоль ручья и у родниковъ растетъ камышъ.

15-го марта. Отъ Ислимъ-Чишме до Акъ-робата 37^{1/2} верстъ.

Дорога отъ Ислимъ-Чишме на западъ держится низкой части праваго берега ручья, мѣстами подымаясь на холмы, но весьма незначительно. Во многихъ мѣстахъ не только у ручья, но и по сторонамъ, налетъ соли. Въ 15 верстахъ отъ Ислимъ-Чишме пунктъ слиянія двухъ ручьевъ, составляющихъ общій ручей, по которому мы шли: одинъ выходитъ на Хомбоу и былъ мною еще ранѣе пересѣченъ при проѣздѣ въ августѣ 1882 г. (изъ Гюрлена въ Кэризь-суме); другой изъ Гюрлена. Ручьи идутъ съ юга и юго-запада; по ихъ долинамъ проходятъ дороги: 1) въ Хомбоу и 2) въ Ахтаци и Гюрленъ. Въ этомъ же пунктѣ слиянія ручьевъ мы ихъ оставили, направляясь къ Акъ-робату, почти прямо на западъ. Дорога стала подыматься и мы прошли рядъ балокъ, идущихъ приблизительно съ сѣвера на югъ; грунтъ вездѣ песчано-глинистый, поросшій травой; возвышеніе гребней надъ дномъ сажень 30—40 и мѣстами болѣе. Спуски и подъемы очень крутые; кустарника нѣтъ; чомучъ покрываетъ очень значительныя пространства. Хотя мѣстность здѣсь всего на 1000 футъ выше долины, но растительность значительно отстала; цвѣты еще не появлялись и вся степь была въ томъ же видѣ, въ какомъ ее оставилъ конецъ осени; мелкая зеленая трава только-что начинала появляться. Зимы здѣсь должны быть очень суровыя; на 20 верстахъ мы пересѣкли нѣсколько разъ поля, буквально усѣянные костями жирановъ: эти животныя укрываются отъ дуящихся здѣсь холодныхъ вѣтровъ въ углубленныхъ мѣстахъ и замерзаютъ въ нихъ массаи.

На ночлегъ мы остановились у самыхъ развалинъ робата. Имѣя въ своемъ распоряженіи болѣе времени, нежели въ первое мое посѣщеніе этого пункта (въ августѣ 1882 г.), я подробнѣе осмотрѣлъ окрестности. Акъ-робатъ лежитъ среди глубокой обширной впадины, близъ него нѣсколько колодцевъ, обдѣланныхъ песчаникомъ; при нихъ кирпичные желоба для водопоя скота; затѣмъ въ раз-

ныхъ мѣстахъ впадины; за небольшими неровностями еще есть колодцы, у которыхъ обыкновенно останавливались разбойники, не желавшіе быть замѣченными на открытомъ мѣстѣ у развалинъ; вода почти вездѣ на глубинѣ отъ 1,7 до 2 саж.; слой ея около 3 аршинъ; ея очень много и колодцы не выбираются. Теперь вода застаивается и имѣетъ нѣсколько затхлый вкусъ и содержитъ много водяныхъ вшей.

Отъ робата мѣстами сохранились стѣны, ограждавшія какъ дворъ, такъ и комнатки, расположенныя кругомъ. У азійцевъ, очевидно, страсть писанія на стѣнахъ развита не менѣе, какъ у европейцевъ: всюду, гдѣ оставалась штукатурка, были туркменскія и персидскія надписи; другихъ не было, такъ какъ и до настоящаго времени въ Акъ-робатъ, кромѣ меня не попадалъ еще ни одинъ европеецъ.

Кромѣ робата въ этой же впадинѣ есть и болѣе древнія развалины въ формѣ округленныхъ бугровъ и глиняной съ оплывшими стѣнками калы.

Во впадинѣ кормъ весьма плохой; топлива же нѣтъ вовсе; часть моихъ текинцевъ отправилась набрать колючки, а остальные стали бродить кругомъ робата, наконецъ, собрались у одного изъ колодцевъ. На поверхности воды плавали два письма; съ большимъ трудомъ удалось ихъ достать. Письма были въ конвертахъ и сохранились хорошо, сарыки узнали печати своихъ старшинъ, а по формату бумаги заключили, что эти письма писалъ Сіяхъ-пушъ; впоследствии оказалось, что письма эти дѣйствительно написаны сарыками, по наущенію Сіяхъ-пуша; адресованы: одно къ хорасанскому вали, другое къ комендату Серахса, Али-Мерданъ-хану; оба заключали въ себѣ просьбу о принятіи въ персидское подданство. По дорогѣ посланные, обдумавъ дѣло, пришли къ заключенію, что Сіяхъ-пушъ довѣріемъ не пользуется, за доставку его писемъ награды не будетъ и потому предпочли выбросить ихъ.

Во всей мѣстности, гдѣ мы ѣхали съ утра, стояла чисто бадхызская погода: холодный пронзительный вѣтеръ дулъ всю ночь; къ утру температура была $+6^{\circ}\text{C}$.

16-го марта. Утромъ вѣтеръ продолжался и только къ 10 часамъ температура поднялась до $+9^{\circ}\text{C}$.

Три часа мы шли отъ Акъ-робата по пологимъ подъемамъ и спускамъ почти прямо на сѣверъ ко всѣмъ извѣстнымъ въ краѣ солянымъ озерамъ Еръ-ойланъ, часто называемымъ просто Дузь, (т. е. соль). Дорога проходитъ между двумя озерами по перешейку,

ихъ раздѣляющему и возвышающемуся надъ дномъ ихъ около 60 футовъ. Бугры, находящіеся на южной сторонѣ, видны очень издалика. Въ настояще время всѣ дороги совершенно непосѣщаемы и заростають травой: всему причина новый серахскій комендантъ Али-Мерданъ-ханъ. Этотъ энергичный разбойникъ на нападеніе мерцевъ на Келать и Дерегезъ отвѣтилъ разграбленіемъ туркменскаго каравана, шедшаго за солью, и затѣмъ отбилъ у пендинцевъ нѣсколько стадъ; этого было достаточно, чтобы туркмены попрятались. Вообще большая часть ихъ подвиговъ прежняго времени зависѣла исключительно отъ трусости ихъ враговъ.

За Ерь-ойланомъ мѣстность слегка волнистая, состоитъ изъ широкихъ балокъ съ весьма пологими спусками и подъемами; съ дороги видны окаймляющія Гери-рудъ горы Гезъ-теадыкъ и Зюлфагаръ; ясно видно, что это отдѣльные кряжи, и идущіе съ запада на востокъ баиры не имѣютъ съ ними никакой связи. Топлива тутъ нѣтъ никакого, кромѣ колючки. На полдорогѣ къ Коюнъ-куи лежатъ глинистые холмы Элбиринъ-кыръ. Съ обѣихъ сторонъ бугровъ брошенные кѣризы. Съ Элбиринъ-кыра дорога спускается почти прямо на сѣверъ по пологому, весьма длинному оврагу; пройдя по немъ 17 верстъ, мы къ вечеру вышли на равнину, гдѣ снова пошла болѣе богатая растительность, подобная той, которую мы видѣли ранѣе.

17-го марта. За кряжемъ уже встрѣчаются отдѣльные холмы, длиною иногда до 100—200 сажень, высотой отъ 10 до 20 сажень, разбросанные безъ всякаго порядка и не имѣющіе никакой связи другъ съ другомъ.

Отъ Акъ-робата до Коюнъ-куи 69 верстъ. Въ Коюнъ-куи 5 колодцевъ съ водою; къ счастью, рассказы о томъ, что Али-Мерданъ-ханъ ихъ засыпалъ не подтвердились; вода была во всѣхъ; она слегка солоноватая, но лошади и особенно овцы пьютъ ее очень охотно, да и сами туркмены считаютъ ее вполне хорошею; глубина до воды 10 сажень, слой воды болѣе двухъ сажень; она никогда не выбирается. Это обиліе воды, при прекрасномъ кормѣ кругомъ, дѣлаетъ эту мѣстность одной изъ важнѣйшихъ для жизни близъ живущихъ туркменъ.

Изъ Коюнъ-куи мы рѣшили направиться къ р. Мургъ-абу и выйти къ ней у мыса Келенъ-Бурунъ; по этому направленію есть дорога, все разстояніе 95 верстъ; воды нигдѣ на всемъ пути нѣтъ и ночевали мы среди степи, выбравъ мѣсто, гдѣ кормъ и дрова были лучше.

18-го марта. Пройдя Коюнъ-куи и далѣе, видно, что Элбиринъ-кыръ дѣлитъ всю степь между Мургъ-абомъ и Гери-рудомъ на двѣ части, отличныя какъ по климату, такъ и по растительности; на сѣверъ отъ возвышенности пошли сразу цвѣты, кустарникъ, мѣстами довольно густая и высокая трава, лучший кормъ во всей степи; грунтъ съ значительной примѣсью песка. Впрочемъ, на первыхъ 30 верстахъ мѣстность почти ровная, возвышеній нѣтъ вовсе, лишь мѣстами небольшія балки, углубленія въ 1—2 саж. Съ 30-й версты бугры песка дѣлаются болѣе и степь постепенно принимаетъ видъ песковъ 2-го рода въ Кара-кумахъ¹⁾; бугры песка все возвышаются къ рѣкѣ; кустарникъ все становится гуще и гуще. Въ общемъ мѣстность понижается отъ Коюнъ-куи къ рѣкѣ у Келебуруна. Такировъ между песками вовсе нѣтъ, вслѣдствіе чего даже и послѣ сильнѣйшихъ дождей — *каковъ* по всей дорогѣ не встрѣчается.

Недалеко отъ Коюнъ-куи мы пересѣкли дорогу изъ Пенде въ Серахсъ, по которой ходилъ съ своими войсками Медемій-ханъ; она вездѣ пригодна для артиллеріи; только три часа ходу (между Коюнъ-куи и Старымъ Серахсомъ) есть пески нѣсколько трудныя для движенія. Близъ пересѣченія дорогъ находится высокій отдѣльно стоящій кыръ, называемый Ханъ-кыръ.

18-го марта. Температура къ 3 часамъ дня достигла 24°С. и мы, сильно замучивъ лошадей послѣ 13 часового перехода, достигли Келебуруна. Здѣсь мы нашли нѣсколько каравановъ. Пользуясь наступившимъ спокойствіемъ и неуверенные въ томъ, что оно долго продлится, сарыки спѣшили отправить свои товары въ Мервъ; то же дѣлали и іоль-отанцы; впрочемъ, всѣ сопровождавшіе караванъ были вооружены.

19-го марта. По прежде описанной дорогѣ прибыли въ Іоль-отанъ, обгоняя и встрѣчая весьма часто караваны; вообще за 10 дней послѣ моего перваго проѣзда дорога успѣла чрезвычайно оживиться.

20-го марта. Рано утромъ выступилъ я изъ Іоль-отана въ Мервъ; дорога по лѣвому берегу рѣки, почти у самаго укрѣпленія отдалается отъ нея, вслѣдствіе того, что рѣка дѣлаетъ весьма крутое колѣно, направляясь сначала на сѣверъ, а потомъ отъ мервской плотины на Коушутъ-ханъ-кала, почти прямо на западъ. Кратчайшая дорога изъ Іоль-отана въ Коушутъ-калу идетъ близъ бугра

¹⁾ По классификаціи, принятой мною при описаніи этой мѣстности.

Гёкъ-тепе; до этого пункта дорога вполне исправная и пригодная для движения верблюдовъ, далѣе же мѣстность низменная; каждый прорывъ дамбъ каналовъ заливаешь большое пространство и потому караванное движение не пользуется этою дорогою, а обходить ее другою, болѣе длинною, черезъ Келте-минарь, пересекающею лишь весьма незначительное количество каналовъ, покрытыхъ здѣсь мостиками.

Дорога, по которой мы направлялись, проходила черезъ пашни Іоль-отана, которыя въ настоящее время продолжаются до Талхатанъ-баба. Это развалины могилы и хоуза, въ который вода напускается и въ настоящее время изъ іоль-атанскихъ каналовъ. Отъ Іоль-отана до Талхатанъ-баба 9¹/₂ верстѣ. Далѣе дорога на 19-й верстѣ проходитъ черезъ развалины Еризъ-кала, причемъ на пространствѣ между Талхатанъ-баба и Еризъ-кала на нѣсколькихъ верстахъ непрерывно тянутся развалины, разбросанныя груды кирпича отъ бывшихъ здѣсь сооружений, какихъ—въ настоящее время сказать трудно: что нибудь въ родѣ стѣны или водопровода; лишь мѣстами развалины имѣютъ настолько значительную ширину, что можно предположить здѣсь остатки калы.

На 21-й верстѣ начинаются посѣвы текинцевъ; впрочемъ и на промежуткѣ отъ 9-й до 21-й версты вездѣ слѣды брошенныхъ пашень, часть которыхъ обрабатывалась еще недавно, часть же, посрединѣ, въ болѣе отдаленныя времена, при помощи существовавшего при Байрамъ-али канала отъ Кебутерь-хана. Вообще говоря, Мервскій и Іоль-отанскій оазисы сливаются и промежутка между ними нѣтъ.

Отъ Гёкъ-тепе съ большимъ трудомъ мы пробрались черезъ неудобные броды арыковъ, разливы ихъ и болота и къ вечеру прибыли въ новое русское укрѣпленіе, построенное въ мое отсутствіе близъ Кошутъ-ханъ-калы.

III. Очеркъ Юго-Западной Туркменіи.

Такимъ образомъ весною настоящаго года мною дополнено изслѣдованіе мѣстности между Мургъ-абомъ и Гери-рудомъ объѣздомъ восточной части ея, и является возможность свести въ одно цѣлое всѣ собранныя о ней данныя.

Мѣстность эта не имѣетъ общаго названія у занимающихъ ее окраины туркменъ и сосѣднихъ жителей. Въ послѣднее время

нѣкоторые англійскіе географы ¹⁾ стали называть ее Бадхызъ для доказательства ея принадлежности Афганистану; неосновательность этого нетрудно доказать на основаніи англійскихъ же источниковъ: Бадхызомъ называется горная часть между рѣками Кушкъ и Кашъ ²⁾. Мѣстность же между Мургъ-абомъ и Гери-рудомъ правильнѣе всего назвать, по этнографическимъ признакамъ,—земли сарыковъ и салоровъ или болѣе общимъ именемъ — Юго-Западной Туркменіей.

Какъ я уже прежде упоминалъ ³⁾, объ этой странѣ до 1881 г. не имѣлось почти никакихъ свѣдѣній; въ 1840 и 1841 годахъ англійскіе путешественники Шекспиръ и Абботъ проѣхали по большой караванной дорогѣ изъ Герата въ Мервъ; генераль Гродековъ пересѣкъ Паропамизскія горы восточнѣе р. Кушкъ; Н. Г. Петрусевичь, изслѣдуя Сѣверо-Восточный Хорасанъ, проѣхалъ вдоль Гери-руда, въ самую же мѣстность между рѣками не заѣзжалъ ни одинъ европейскій путешественникъ, да изъ жителей окрестныхъ странъ дороги въ ней были извѣстны только сердарямъ, предводителямъ разбоевъ.

Для изслѣдованія Ю. З. Туркменіи я предпринялъ двѣ поѣздки въ 1882 г. и одну въ началѣ настоящаго, именно тотчасъ по занятіи Мерва нашими войсками.

Кромѣ того, начиная съ осени 1882 года, сюда заѣзжали еще слѣдующія лица: по словамъ персидскаго хана въ Серахсѣ, послѣ моей первой поѣздки (въ апрѣлѣ 1882 г.), полковникъ Стюартъ, по окончаніи своихъ работъ въ Сеистанѣ, пріѣзжалъ въ Мосынъ-абадъ, откуда направился на Пешъ-робать, Гюрленъ и Ислимъ-чишме и по той же дорогѣ вернулся обратно. Отчетъ объ его путешествіи до настоящаго времени не напечатанъ.

Осенью 1882 г. еще одна дорога здѣсь пройдена двумя русскими путешественниками: капитаномъ Гладышевымъ, опредѣлявшимъ астрономическіе пункты, и подпоручикомъ Хабаловымъ, производившимъ съемку пройденнаго пути. По свѣдѣніямъ, сообщеннымъ г. Хабаловымъ, изслѣдователи прошли изъ Мосынъ-абада въ Бенгикэризь и перевалили по трудной дорогѣ черезъ горы Борхуть у родника Яки-туть (западнѣе перевала Хомбоу и Каруанъ-ашанъ),

¹⁾ Sir H. Rawlinson. Карта, приложенная къ M. Lessar's second journey in the turkoman country. Proc. of the R. G. January 1883.

²⁾ См. карта: Turkestan, by Walker, fifth edition.

³⁾ Въ общемъ очеркѣ мѣстами повторены свѣдѣнія изъ сдѣланныхъ мною ранѣе сего сообщеній

далѣе прошли въ Кизиль-булакъ (названный ихъ проводникомъ Туланъ-чишме), направляясь въ Акъ-робать; но проводникъ не сумѣлъ найти этого пункта и провелъ ихъ черезъ Адамъ-еланъ въ Серахсъ. Въ мѣстности между Мургъ-абамъ и Гери-рудомъ астрономически опредѣленъ одинъ пунктъ, именно Мелекъ-Гейранъ-чишме.

Наконецъ, въ апрѣлѣ настоящаго года вдоль Гери-руда проѣхалъ дипломатическій чиновникъ при туркестанскомъ генералъ-губернаторѣ, г. Чарыковъ; отъ Серахса до пункта въ 10 верстахъ южнѣе Зюлфагаръ-дербенда онъ прошелъ вдоль рѣки; далѣе черезъ Кэризь-Иліясъ и переваль Соутли переправился въ Хорасанъ, близъ впаденія р. Джамъ въ Гери-рудъ.

Границы. Границы Ю. З. Туркменіи составляютъ: а) съ сѣвера—Мервскій оазисъ, б) съ востока—Мургъ-абъ, земли Джемшидовъ, рѣка Кушкъ на югъ отъ Чиль-духтеръ и холмы, окаймляющіе эту рѣку съ востока, с) на югѣ — горы Борхуть и d) на западѣ — р. Гери-рудъ, отдѣляющая Туркменію отъ Персіи. Вся мѣстность имѣетъ около 250 верстъ съ сѣвера на югъ и, въ среднемъ, около 100 верстъ въ поперечномъ направленіи.

Характеръ мѣстности. Горы Борхуть, составляющія продолженіе Сефидъ-кухъ, отдѣляются отъ главной цѣпи значительнымъ пониженіемъ (между перевалами Ардеванъ и Каруанъ-ашанъ), между которыми собственно горъ нѣтъ: здѣсь рядъ холмовъ въ мягкомъ грунтѣ, черезъ которые проходятъ нѣсколько дорогъ, имѣющихъ и въ настоящее время безъ всякой раздѣлки уклоны не круче 0,02. Таковъ переваль Каруанъ-ашанъ.

Далѣе на западъ кряжъ возвышается по мѣрѣ приближенія къ рѣкѣ, высота его отъ трехъ до четырехъ тысячъ футъ; онъ состоитъ изъ твердыхъ песчаниковъ; скаты его круче, но все еще въ очень многихъ мѣстахъ есть перевалы, доступные при самой незначительной раздѣлкѣ для колеснаго движенія. Въ узкой щели горъ Борхуть, переходящихъ и въ Персію, протекаетъ Гери-рудъ; горы снова понижаются къ Мешхеду; продолженіе ихъ далѣе на западъ составляетъ хребетъ Алла-дагъ.

Горы Борхуть—главный отрогъ Паропамиза, идущій на соединеніе съ Эльбурсомъ; болѣе южные отроги — ближайшіе къ Гери-руду, на нѣкоторыхъ картахъ нанесенные какъ главный кряжъ — въ дѣйствительности только рядъ холмовъ, весьма незначительныхъ уже по направленію изъ Каруанъ-ашана въ Шебешъ, по дорогѣ же въ Кусанъ мѣстность совершенно ровная.

Близъ 36° с. ш. глиняные баиры (холмы) Эльбиринъ-кыръ раздѣляютъ Ю. З. Туркменію на двѣ части, весьма различныя по характеру мѣстности, растительности и климату. Холмы эти, какъ показываетъ самое названіе (кыръ), состоятъ изъ глиняныхъ возвышенностей около 2000 футовъ надъ уровнемъ моря; начинаясь отъ обрывовъ по берегу Гери-руда, они идутъ почти прямо съ запада на востокъ, огибаютъ озера Еръ-ойланъ и затѣмъ обращаются въ ряды отдѣльныхъ кыровъ, разбросанныхъ въ безпорядкѣ на остальномъ пространствѣ до р. Кушкъ. На востокъ отъ Еръ-ойлана эти возвышенности—почти параллельные кряжи, высотой до 50 и болѣе саженъ надъ окружающею мѣстностью.

Въ этой части, опредѣленнаго ската въ какую либо сторону незамѣтно; напротивъ, треугольникъ, имѣющій основаніемъ горы Борхуть отъ Хомбоу до Ардевана и вершину въ Чemenъ-и-бидѣ, явственно составляетъ часть бассейна р. Кушкъ; мною пройдены два притока этой рѣки, прежде неизвѣстные, длиной каждый около 100 верстъ; одинъ начинается у Хомбоу, другой у Гюрлена, они соединяются и, подъ названіемъ Егры-гекъ, впадаютъ въ Кушкъ у Чemenъ-и-бида. Весь треугольникъ состоитъ изъ долинъ, начинающихся на склонѣ горъ Борхуть и дренируемыхъ этими главными ручьями; промежутки между долинами — слегка холмистая мѣстность, постепенно понижающаяся отъ Борхута къ сѣверу. Западная часть южной половины имѣетъ скатъ къ Гери-руду; нѣсколько глубокихъ овраговъ проникаетъ отъ рѣки внутрь страны верстъ на 10—15; водораздѣломъ бассейновъ Гери-руда и Мургъ-аба служатъ не обрывы, близкіе къ берегу первой изъ этихъ рѣкъ, а стоящіе сзади нихъ невысокіе холмы, линія которыхъ проходитъ отъ оконечности горъ Борхуть, близъ Кэризь-Иліаса, робата Кунгрюэли, Адамъ-элана, къ развалинамъ моста Пуль-и-хатунъ. Въ общемъ вся южная половина представляетъ собою волнистую мѣстность, рядъ впадинъ и возвышенностей; грунтъ вездѣ песчано-глинистый, поросшій бурьяномъ и колючкою; песокъ встрѣчается лишь мѣстами и то въ самомъ незначительномъ количествѣ, очевидно, происшедшій отъ разрушенія кыровъ.

Сѣверный склонъ Эльбиринъ-кыра имѣетъ сначала тотъ же видъ, какъ и южный; глубокіе овраги идутъ отъ вершинъ возвышенности преимущественно на сѣверъ; затѣмъ слѣдуютъ ряды отдѣльныхъ возвышенностей, которыя становятся все ниже и ниже; ближе къ колодцамъ Коюнъ-куи встрѣчаются лишь изрѣдка отдѣльно стоящія кыры; примѣсь песка становится все болѣе и болѣе и наконецъ

мѣстность переходить въ песчаную пустыню такого же характера, какъ и Кара-кумы; предѣлы ея указаны на прилагаемой картѣ: съ юга пески ограничены выпуклою, кривою, упирающеюся въ баиры у Доулетъ-абада и въ Калеи-моръ на Кушкѣ; съ запада пески достигаютъ дороги изъ Серахса въ Мервъ, пересѣкаютъ ее въ нѣсколькихъ мѣстахъ, переходятъ къ дорогамъ на Карры-бендъ и Мамуръ и соединяются съ Кара-кумами; съ сѣвера выпуклая граница ихъ близко подходитъ къ Мервскому оазису; на востокѣ она большею частью держится въ 400 до 1000 саж. отъ берега рѣкъ Муртъ-аба и Кушка; мѣстами же подходитъ въ видѣ отдѣльных мысовъ къ самой водѣ.

Бадхызъ имѣетъ тотъ же характеръ, какъ и страна между горами Борхуть и Эльбиринъ-кыръ; отъ оазиса сарыковъ — Пенде, мѣстность постепенно и весьма полого подымается къ горамъ Сефидъ-кухъ; неровности ея незначительны, холмы между Кушкомъ и Кашемъ, высотой отъ 20 до 40 саж., кое-гдѣ прорѣзываются неглубокими долинами, дренируемыми обоими притоками Муртъ-аба; горная часть мѣстности начинается у самага края Сефидъ-кухъ; тутъ подъемы весьма крутые и, по описанію Аббота и Гродекова, перевалы представляютъ значительныя затрудненія для движенія.

Рѣки. Двѣ большія рѣки съ ихъ притоками дренируютъ всѣ земли Ю. З. Туркменіи. Это: Гери-рудъ и Муртъ-абъ.

Р. Гери-рудъ беретъ свое начало въ 350 верстахъ на востокъ отъ Герата, въ пунктѣ, гдѣ соединяются горы Сефидъ-кухъ и Сіа-кухъ. Верховья ея носятъ названіе Дженгель-абъ и только по слияніи съ Тингаль-абомъ, рѣка принимаетъ названіе Гери-рудъ и вступаетъ въ широкую долину, вездѣ пригодную для обработки.

Большая плотина, расположенная нѣсколько выше Герата, направляетъ значительную часть водъ рѣки въ каналы для орошенія Гератской долины, безспорно богатѣйшей во всей Средней Азіи на югъ отъ Аму-Дарьи. Въ настоящее время главные продукты: асафетида, шафранъ, фисташковый орѣхъ, всякіе фрукты, виноградъ разныхъ сортовъ, хлѣбъ, ячмень и клеверъ. Шелковичный червь разводится въ довольно значительномъ количествѣ. Но лѣса и даже кустарникъ существуютъ лишь мѣстами въ разливѣ Гери-руда; склоны горъ совершенно обнажены, всякое селеніе имѣетъ богатые фруктовые сады, топливомъ же служитъ только колючка, привозимая изъ весьма отдаленныхъ мѣстъ. По берегамъ тянутся богатѣйшіе луга, на которыхъ пасутся большіе табуны лошадей,

по увѣренію афганцевъ, болѣе 40.000 головъ. Это одинъ изъ главныхъ предметовъ вывоза изъ Гератской провинціи въ Персію; лошади малорослыя, простыхъ породъ (ябу), но крѣпкія и выносливыя. Сверхъ того, у жителей имѣется въ значительномъ количествѣ и другой скотъ.

Въ десяти верстахъ, не доѣзжая Тиръ-пула, долина сьуживается, Гери-рудъ подходитъ весьма близко къ возвышенностямъ южнаго берега и дорога какъ въ Кяфыръ-кале, такъ и въ Гуріанъ лѣпится въ видѣ узкихъ тропинокъ, иногда по довольно крутымъ косогорамъ.

Въ Тиръ-пулѣ черезъ рѣку построены Яръ-Магометъ-ханомъ мостъ, длиною 40 саж. Кладка устоевъ и арокъ кирпичная; только ледорѣзы облицованы твердымъ камнемъ, такъ какъ въ суровыя зимы ледъ настолько толстъ, что можетъ выдерживать всадника, и ледоходы бывають весьма значительныя. Въ высокую воду дорога изъ Герата въ Мешхедъ идетъ не черезъ Кусанъ, а черезъ Тиръ-пулъ и далѣе вдоль южнаго берега въ Кяфыръ-калу.

Близъ Кусана — послѣдняго афганскаго поселенія по р. Гери-рудъ, она поворачиваетъ почти прямо на сѣверъ и течетъ въ пологихъ и удобныхъ для обработки берегахъ только до Пешъ-робата. Далѣе по ущелью, отдѣляющему горы Борхутъ отъ горъ Каргала (составляющихъ продолженіе первыхъ въ персидскихъ предѣлахъ), Гери-рудъ протекаетъ на протяженіи около 20 верстъ; затѣмъ лѣвый берегъ большею частью только слегка холмистый до горъ Пескемеръ, подходящихъ къ рѣкѣ между Зуръ-абадомъ и Пулъ-и-хатуномъ. Возвышенности праваго берега до Зюлфагаръ-дербенда отстоятъ отъ урѣза воды мѣстами на двѣ, три версты, а далѣе на сѣверъ къ Гярмъ-абъ-дербенду подходятъ весьма крутыми обрывами; здѣсь долины, на которыя можно вывести оросительныя арыки, очень рѣдки и весьма незначительнаго протяженія; на лѣвомъ берегу слѣды небольшихъ посѣвовъ видны лишь близъ Зуръ-абада, на правомъ — у Зюлфагаръ и Гярмъ-абъ-дербендомъ.

На сѣверъ отъ Пулъ-и-хатуна лѣвый берегъ ограниченъ невысокими, весьма пологими предгоріями Хезаръ-Месджида, на которыя во многихъ мѣстахъ можетъ быть выведена вода для орошенія; бугры праваго берега нѣсколько выше; только на небольшихъ пространствахъ у Ширъ-тепе и Наурузъ-абадѣ между разливомъ рѣки и подошвою холмовъ есть слѣды полей; лишь у Кассабъ-калы холмы обращаются въ ровную мѣстность, удобную для обработки.

Гери-рудъ отъ Кусана до Пуль-и-хатуна течетъ большею частью однимъ рукавомъ, шириною отъ 15 до 20 саж. Высокая вода бываетъ отъ начала января до конца марта; въ то время броды рѣки, вслѣдствіе быстроты теченія, очень опасны, но уже въ апрѣлѣ можно переправляться во многихъ мѣстахъ при глубинѣ не болѣе 4 футь. Къ лѣту вода въ рѣкѣ быстро уменьшается и въ іюнѣ и іюлѣ переправы возможны вездѣ, гдѣ крутизна береговъ не составляетъ препятствія. Въ сентябрѣ же, на переправѣ изъ Кусана въ Кяфыр-калу, при глубинѣ около трехъ футовъ, Макъ-Грегоръ не замѣтилъ почти никакого теченія.

Сѣвернѣе, уже въ августѣ, теченія въ самомъ руслѣ не бываетъ; только кое-гдѣ сохраняются плесы воды, мѣстами почти прѣсной, мѣстами настолько солоноватой, что лошади неохотно пьютъ ее. Ложе вездѣ состоитъ изъ крупнаго булыжника и, по увѣренію жителей, когда проходятъ высокія воды, то теченіе продолжается, но лишь подземное, и обнаруживается только въ глубокихъ мѣстахъ русла; во всякомъ случаѣ подземный притокъ существуетъ, иначе нельзя объяснить мелкіе плесы, не пересыхающіе всю осень; вода такой глубины даже на глинистой почвѣ высохла бы въ два, три дня. Теченіе прекращается, какъ сказано выше, къ концу іюля или въ началѣ августа, нѣсколько сѣвернѣе Кяфыр-кале, и затѣмъ возобновляется только отъ Пуль-и-хатуна, гдѣ въ Гери-рудѣ впадаетъ р. Кара-су, и особенно усиливается около Ноурузъ-абада отъ выходящихъ изъ дна богатыхъ родниковъ; здѣсь воды такъ много, что она всегда проводилась каналами къ поселеніямъ салоровъ у Стараго Серакса и снабженіе ихъ было непрерывное въ теченіе цѣлаго года. Вода снова появляется во всей рѣкѣ въ ноябрѣ или декабрѣ.

На югъ отъ Пуль-и-хатуна по берегамъ русла вездѣ есть родники: плесы, въ которыхъ лѣтомъ сохраняется вода, настолько часты, что путь вдоль Гери-руда во всякое время года можетъ считаться хорошо снабженнымъ водою; но кое-гдѣ препятствуютъ двигаться вдоль рѣки горы, близко подходящія къ самой водѣ. Осенью вездѣ можно пройти самымъ русломъ; въ высокую же воду не то: отъ Серакса до Пуль-и-хатуна дорога хорошая по обоимъ берегамъ, отъ этого послѣдняго пункта на югъ надобно идти по западному берегу черезъ горы Пескемеръ до Зуръ-абада по очень трудной дорогѣ, а по туркменскому можно обойти по ровному мѣсту съ востока горы Келеть-коя, тянущіяся обрывами по самому берегу рѣки отъ Гярмъ-абъ-дербенда до Зюлфагарскаго ущелья.

Затѣмъ снова оба берега удобны для движенія. Гдѣ во второй разъ горы подходятъ къ рѣкѣ (въ 20 верстахъ къ сѣверу отъ р. Джамъ), движеніе вдоль нея совершенно невозможно. Въ Серахсѣ утверждаютъ, что въ прежнее время въ Гери-рудѣ было болѣе воды; вѣрить этому нѣтъ основаній. Борнсъ, проѣзжавшій черезъ Серахсѣ въ сентябрѣ 1832 г., нашелъ русло Гери-руда совершенно сухимъ и настолько незначительнымъ, что принялъ его за русло особой рѣчки Тедженъ, будто бы берущей начало въ сосѣднихъ холмахъ, и отрицалъ связь ея съ Гератскою рѣкою. Вода въ Гери-рудѣ хотя мутная, но вкусная и здоровая.

Въ Пуль-и-хатунѣ сохранились развалины моста; о времени постройки его текинцамъ ничего неизвѣстно; преданіе только указываетъ, что мостъ построенъ женщиною. Четыре арки его существуютъ и по настоящее время; средняя, пятая, разрушена Медемій-ханомъ во время похода его противъ Мерва. Все разстояніе между наружными частями крайнихъ сводовъ $28\frac{1}{2}$ саж. Изъ нихъ 4 быка, неравной толщины, занимаютъ $9\frac{1}{2}$ саж., а для пропуска воды служатъ пять пролетовъ, въ общей сложности 19 саж. Первый отъ туркменскаго берега имѣетъ 4 саж., затѣмъ два по пяти и наконецъ два у персидскаго берега по $2\frac{1}{2}$ саж. Ширина моста немного болѣе 2 саж. Мостъ сохранился довольно хорошо, трещинъ въ сводахъ нигдѣ не видно; въ случаѣ возобновленія средней арки онъ и теперь годится для вьючнаго движенія. Подмывовъ у быковъ нигдѣ нѣтъ; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ облицовка ихъ на горизонтѣ высокой воды сорвана теченіемъ; исправленія здѣсь были бы вообще нетрудны, такъ какъ отъ конца іюля до декабря мостъ почти на сушѣ; только подъ однимъ, двумя пролетами бываетъ два, три вершка воды.

Продолженіе Гери-руда на сѣверъ и сѣверо-западъ отъ Серахса извѣстно подъ именемъ Теджена; теченіе въ этой части рѣчки бываетъ только во время половодія: тогда вода здѣсь очень глубока и во многихъ мѣстахъ переправа вовсе невозможна. О'Донованъ въ февралѣ переправился немного сѣвернѣе Кангалы-Гузерь вилавъ; въ прежнее время въ срединѣ того же мѣсяца Тедженъ у плотины Карры-бендъ имѣлъ ширину около 12 саж. и глубину $5\frac{1}{2}$ футъ. Часто вода здѣсь бывала глубже и тогда переправа въ теченіе одного или полутора мѣсяцевъ для каравановъ была возможна только у Аламанъ-Джунгуля, куда Тедженъ не доходилъ, а доходили лишь отдѣльные выведенные изъ него каналы. Разливы рѣки и затопленіе этой мѣстности бывали только въ случаѣ прорыва пло-

тины у Герата. Въ началѣ 1884 года у Карры-бенда возобновлена плотина и каналы для орошенія прилегающей мѣстности.

Лѣтомъ теченіе въ Тедженѣ прекращается; мѣстами онъ вовсе пересыхаетъ, а большею частью состоитъ изъ длинныхъ озеръ, питаемыхъ, по мнѣнію мѣстныхъ жителей, ключами, а можетъ быть и подземнымъ продолженіемъ рѣчекъ Чача, Меана и Душакъ, кончающихся въ болотахъ, въ 15—20 верстахъ отъ Теджена. Такое мнѣніе основано на томъ, что вода въ этихъ озерахъ прохладная и не пересыхаетъ въ теченіе самаго жаркаго лѣта, что едва ли могло бы быть, если бы эти озера были только скопленіемъ весенней воды въ глубокихъ впадинахъ русла Теджена.

Рѣка Мургъ-абъ, берущая начало на сѣверномъ склонѣ Сефидъ-кухъ, пройдя черезъ горную страну, занятую племенемъ Хазаре, у Бала-Мургъ-аба, выходитъ на равнину въ Южную Туркменію. Отъ этого мѣста правый берегъ рѣки состоитъ изъ холмовъ, идущихъ близъ урѣза воды; мѣсть, удобныхъ для обработки, весьма мало и поля на правомъ берегу имѣются лишь въ оазисѣ Пенде. Впрочемъ склоны бугровъ большею частью пологіе и пролегающая по нимъ дорога вдоль Мургъ-аба весьма удобна для движенія. Только противъ Сары-язы холмы почти отвѣсно опускаются къ рѣкѣ обрывами Кушле-коя; здѣсь въ высокую воду проѣздъ невозможенъ и для дороги имѣется объѣздъ по верху холмовъ.

У мыса Келе-бурунъ прекращаются глиняные бугры и замѣняются песчаными, которые до Иоль-отана держатся вдоль рѣки на разстояніи одной, двухъ верствъ отъ воды; далѣе на сѣверъ пески обходятъ развалины древнихъ городовъ близъ Мерва и выходятъ на дорогу изъ этого оазиса къ Бухарѣ.

Лѣвый берегъ отъ Бала-Мургъ-аба до Меручака ограниченъ холмами подобно правому; затѣмъ долина расширяется и передъ слияніемъ рѣкъ Мургъ-аба и Кушкъ лежитъ совершенно плоскій треугольникъ, занятый поселеніями сарыковъ и извѣстный подъ именемъ Пенде.

Далѣе на сѣверъ до Иоль-отана лѣвый берегъ ограниченъ песчаными буграми. Тутъ рѣка протекаетъ однимъ или нѣсколькими чрезвычайно извилистыми рукавами, въ сложности отъ 10 до 20 саж.; берега довольно крутые, часто обрывисты, высотой 4 и болѣе саж.; эта первая долина расположена во второй, болѣе широкой, лишь мѣстами заливаемой высокими водами; ширина ея отъ 300 саж. до 5 и болѣе верствъ; ограничивающіе эту вторую долину съ запада пески мѣстами подходятъ къ рѣкѣ въ видѣ мысовъ, мѣ-

стами удаляются отъ нея и образуютъ озеровидныя впадины, называемыя мѣстными жителями *кѣвъ*; эти пространства всѣ пригодны для обработки и на многихъ изъ нихъ еще сохранились слѣды прежде бывшаго здѣсь (въ болѣе спокойное время) орошенія; особенно хорошіе урожаи давали кѣвы, заливаемые весенними водами.

Ближе всего пески подходятъ къ рѣкѣ между переправою Юнгелы и Сары-язы и здѣсь на протяженіи около 10 верстъ дорога идетъ по верху песчаныхъ холмовъ. Мургъ-абъ протекаетъ большею частью по весьма легко размываемому глинистому грунту; при значительномъ паденіи мѣстности, рѣка имѣетъ чрезвычайно извилистое русло и подмываетъ лѣвый, болѣе низменный, берегъ; во многихъ мѣстахъ дорога, упирающаяся въ новообразовавшееся колѣно, и большой объѣздъ около него указываютъ въ какой сильной степени и какъ быстро происходитъ подмывъ. Особенно часты такіе объѣзды отъ Юнгелы до Дашъ-кепри; здѣсь видны во многихъ мѣстахъ большія трещины въ обрывахъ береговъ; вдоль Кушка каналы, ближайшіе къ берегу его, частью обвалились и перенесены далеко на западъ.

Глубина рѣки въ низкую воду 3—4 фута, а въ высокую доходитъ до 14 и болѣе футовъ. Высокая вода бываетъ весною, въ началѣ лѣта и, временно, послѣ сильныхъ продолжительныхъ дождей въ горахъ, причемъ вода подымается весьма быстро; весною въ 1884 г. на бродѣ близъ аула Курджукли, послѣ сильнаго дождя, вода менѣе чѣмъ въ 3 часа поднялась на 1¹/₂ фута.

Въ низкую воду по всей рѣкѣ очень много бродовъ; напротивъ; во все время высокой воды нѣтъ ни одной переправы въ бродъ и сообщеніе между обоими берегами поддерживается почти исключительно каюками (большія лодки).

Кромѣ Мервскаго оазиса, гдѣ до нашего занятія было два весьма плохихъ моста, на Мургъ-абѣ имѣется лишь еще одинъ въ Юль-отанѣ. Онъ также весьма плохой конструкціи: отверстіе его около 6 саж. изъ 30 саженой ширины рѣки въ этомъ мѣстѣ; остальная часть ея перегорожена дамбами изъ земли и фашинъ. Отверстіе недостаточно и высокіе воды ежегодно сносятъ часть дамбъ; бревна, покрывающія два пролета по 3 сажени, при приближеніи высокой воды, убираются на берегъ. Въ мартѣ настоящаго года я проѣзжалъ по этому мосту; въ маѣ онъ уже былъ снесенъ; возобновлять его будутъ лишь осенью. Глубина рѣки близъ моста около 2 саж. За проѣздъ по мосту берется плата (баджъ).

Каюки имѣются въ Юль-отанѣ и въ Пенде; въ этомъ послѣд-

немъ пунктѣ черезъ рѣку (имѣющую здѣсь ширину 14—15 саж.) протянуты канаты, по которымъ и движутся лодки. Каюки сдѣланы изъ короткихъ кусковъ торрангы или фисташковаго дерева на деревянныхъ гвоздяхъ и проконопачены обрывками халатовъ; длина каюка двѣ саж., ширина 1 саж., глубина около 1 арш.; каюкъ подымаетъ въ одинъ разъ 4 лошади или до 20 человѣкъ.

Какъ Мургъ-абъ, такъ и Гери-рудъ содержатъ въ себѣ много рыбы, но туркмены не употребляютъ ее въ пищу, предполагая, что это влечетъ за собою лихорадку.

Мургъ-абъ представляетъ болѣе удобствъ для заселенія, нежели Гери-рудъ и если въ настоящее время вдоль рѣки заняты кочевниками-туркменами только три пункта, остальная же часть совершенно пустынная, то это происходитъ отъ царившаго въ степи беспорядка; лежащія вдоль всего берега развалины укрѣпленій и караванъ-сараявъ указываютъ, что когда-то берегъ былъ густо заселенъ и по немъ шло оживленное торговое движеніе.

Изъ притоковъ Мургъ-аба для жизни туркменъ имѣютъ значеніе Кушкъ, Кашъ и Кайсоръ.

Кушкъ начинается на сѣверномъ склонѣ Сефидъ-куха и сначала течетъ по неудобной для обработки гористой мѣстности. Отъ Чиль-духтера долина расширяется и почти на всемъ протяженіи до впаденія въ рѣку Мургъ-абъ у Дашъ-кепри сарыки вывели изъ рѣки каналы и занимаются хлѣбопашествомъ; ширина обрабатываемой полосы рѣдко гдѣ болѣе 300—400 саж., и лишь у Калеи-моръ достигаетъ до 6 верстъ.

Грунтъ р. Кушкъ ниже Калеи-моръ вязкій, иловатый и потому, хотя глубина воды большую часть года нигдѣ не болѣе 1 арш., переправы въ бродъ возможны только въ рѣдкихъ, опредѣленныхъ пунктахъ. Выше Калеи-моръ грунтъ гравелистый и переправы возможны вездѣ.

Вода въ Кушкѣ прѣсная, но послѣ продолжительной засухи становится слегка солоноватою и случается, что рѣка пересыхаетъ вовсе; когда это пересыханіе случается раннимъ лѣтомъ, то бываетъ причиною гибели сдѣланныхъ туркменами посѣвовъ. По берегамъ Кушка имѣются прѣсные родники и при пересыханіи въ руслѣ сохраняются плесы слегка солоноватою воды, достаточной для снабженія проходящихъ каравановъ.

Оба притока Кушка (Гюрленъ-су и Хомбоу-су) имѣютъ почти на всемъ протяженіи сильно солоноватую воду, негодную для орошенія; встрѣчающіеся по берегамъ прѣсные родники содержатъ

довольно воды для проходящихъ здѣсь каравановъ. Впрочемъ, Гюрленъ-су въ началѣ имѣетъ прѣсную воду, и близъ развалинъ того же имени сохранились слѣды довольно значительныхъ посѣвовъ.

Въ тѣхъ же условіяхъ, какъ р. Кушкъ, находится и Кашъ; раннее пересыханіе ея имѣетъ тѣ же печальныя послѣдствія, какъ и вдоль первой изъ нихъ.

На р. Кайсорѣ развалины Калеи-вали въ послѣднее время заняты сарыками.

Родники и колодцы. Мѣстность, лежащая на югъ отъ Эльбиринъ-кыра, какъ по количеству, такъ и по качеству, лучше снабжена водою, нежели сѣверная часть. Особенно богаты родниками пологіе восточные склоны, окаймляющіе Гери-рудъ; здѣсь весьма часты прѣсные родники, Впрочемъ въ настоящее время достаточные только для снабженія водою каравановъ; слѣды же посѣвовъ встрѣчаются рѣдко (Кэризь-илиясъ). Весьма вѣроятно, что количество воды въ этой мѣстности можетъ быть значительно увеличено разработкою родниковъ и устройствомъ кэризовъ.

Далѣе на востокъ идетъ рядъ колодцевъ, большею частью прѣсныхъ или съ самою незначительною примѣсью солей. Горы Борхуть и ихъ склоны также богаты родниками и колодцами. Родники почти всѣ прѣсные, но грунтъ, очевидно, содержитъ соли, такъ какъ ручьи, образующіеся изъ родниковъ, въ самомъ незначительномъ разстояніи отъ истоковъ совершенно соленые и негодны для питья.

Относительно снабженія водою, сѣверная часть междурѣчья весьма близко подходитъ къ Кара-кумамъ: она обладаетъ рѣдкими колодцами, расположенными иногда въ 80 верстахъ другъ отъ друга; вода въ нихъ вездѣ съ нѣкоторою примѣсью солей и для раздѣленія колодцевъ на прѣсные и соленые приходится принять тотъ же масштабъ, какъ и въ пустынѣ, т. е. называть прѣсными тѣ, изъ которыхъ туркмены дѣлаютъ запасы воды на дорогу и при кочевкахъ; солеными—негодные для питья людямъ; Впрочемъ, надобно замѣтить, что здѣсь нѣтъ колодцевъ съ горькою водою и всѣ колодцы въ пескахъ пригодны для скота; бараны и верблюды и даже лошади весьма охотно пьютъ ихъ солоноватую воду.

Всѣ пески Юго-Западной Туркменіи лежатъ на болѣе или менѣе водопроницаемомъ грунтѣ; чистыхъ такировъ не встрѣчается вовсе, а потому и каковъ (дождевыхъ ямъ) не бываетъ даже послѣ самыхъ сильныхъ дождей.

Климатъ. Какъ ни незначительны сравнительно баиры Эльбиринъ-кыръ, но эта возвышенность достаточна для раздѣленія Юго-

Западной Туркменіи въ климатическомъ отношеніи на двѣ весьма отличныя другъ отъ друга части. Сѣверная часть по климату вполне сходна съ Кара-кумами; при подъемѣ же къ горамъ Борхуть, тотчасъ за переваломъ Эльбирынъ-кыръ, начинаются постоянные сильные южные вѣтры. Насколько можно судить по времени, проведенному мною въ этой мѣстности (одна недѣля въ апрѣлѣ, одна недѣля въ августѣ), утверждение текинцевъ, что здѣсь не бываетъ хорошей погоды, совершенно вѣрно. Хотя на равнинѣ было вполне спокойно, близъ горъ Борхуть вѣтеръ дулъ съ силою шторма. Часто набѣгали облака и на сѣверномъ склонѣ, при нашемъ проѣздѣ, оба раза шелъ дождь, впрочемъ очень мелкій, едва смачивавшій дорогу. На южномъ склонѣ вѣтеръ, по мѣрѣ удаленія отъ горъ, становился все слабѣе и на полъ-дорогѣ къ Кусану уже былъ вовсе нечувствителенъ. Въ Персіи мнѣ объясняли, что страна, сосѣдняя съ этою частью Юго-Западной Туркменіи и имѣющая съ ней одинаковый климатъ, получила названіе Бадхызъ именно отъ этого состоянія атмосферы: бадъ значитъ вѣтеръ, хастенъ (корень—хызъ)—подниматься, вставать. По словамъ туркменъ, эта погода длится здѣсь цѣлый годъ; эти же мѣстные вѣтры, хотя и нѣсколько слабѣйшіе, дѣлаютъ жизнь въ Пенде весьма тяжелою.

Растительность. Растительность главнымъ образомъ зависитъ отъ качества грунта и обилія воды. Какъ по Гери-руду, такъ и по Мургъ-абу вдоль береговъ (по развалинамъ) встрѣчается въ большомъ количествѣ тополь, туть, верба (торрангы) и кустарники разныхъ породъ, настолько густые, что во многихъ мѣстахъ къ рѣкѣ не только невозможно подъѣхать, но даже пробраться пѣшкомъ. Кормъ для лошадей вездѣ въ изобиліи и хорошаго качества. Деревья, находящіяся здѣсь, достигаютъ довольно значительныхъ размѣровъ и этимъ надобно объяснить мнѣніе нѣкоторыхъ путешественниковъ, будто по берегамъ этихъ рѣкъ имѣется строевой лѣсъ¹⁾; всѣ существующія здѣсь породы годны, конечно, для покрытія небольшихъ помѣщеній, для мостиковъ черезъ арыки и т. п., но совершенно не соотвѣтствуютъ понятію о строевомъ лѣсѣ, которое сложилось въ Россіи. Верба и тополь непригодны для большихъ построекъ или столярныхъ работъ; для значительныхъ сооружений изъ дерева лѣсъ долженъ быть доставленъ съ Волги или съ Кавказа; въ Закаспійскомъ краѣ его нигдѣ не имѣется.

¹⁾ Г. Алихановъ передаетъ о существованіи строеваго лѣса даже по дорогѣ изъ Мерва въ Хиву.

Внутри междурѣчья на песчано-глинистомъ грунтѣ встрѣчаются тутовые деревья, только близъ родниковъ, и фисташковыя, разбросанныя по всеѣмъ склонамъ холмовъ, большею частью въ видѣ отдѣльныхъ деревьевъ на болѣе или менѣе значительномъ разстояніи другъ отъ друга.

И кустарникъ и травы растутъ на кырахъ плохо и потому, сравнительно съ сѣвѣрною, южная часть гораздо бѣднѣе ими, только близъ рѣкъ пастбища могутъ считаться вполне хорошими; кустарника же вообще очень мало.

Совсѣмъ не то сѣвѣрная часть; разъ кыры уступили мѣсто грунту съ преобладаніемъ песка—самыя роскошныя травы, какія только извѣстны туркменамъ, покрываютъ мѣстность. Эта часть была источникомъ богатства сарыковъ, причиною прекраснаго качества ихъ стадъ. „Мисиръ“ называютъ ее туркмены; это значитъ Египетъ и употребляется въ томъ же смыслѣ, какъ у насъ обѣтованная страна. Здѣсь не бываетъ такого выгоранія растительности, какъ въ Каракумахъ; даже высохшая лѣтомъ трава—все еще прекрасный кормъ для скота. Центромъ лучшихъ пастбищъ считаются колодцы Коюнъ-куи. Кустарникъ вездѣ въ изобиліи и, по мѣрѣ приближенія отъ середины степи къ р. Мургъ-абу, становится все гуще и выше и близъ рѣки обращается почти въ лѣсъ; вырубленъ онъ только у колодцевъ и населенныхъ мѣстъ; такъ, во всемъ оазисѣ Пенде и на цѣлый переходъ на сѣверъ и на югъ отъ него нѣтъ ни одного кустарника или дерева; топливо подвозится изъ песковъ и отъ Чемень-и-бида.

Минеральныя богатства. О существованіи какихъ-либо минеральныхъ богатствъ въ горахъ Борхутъ туркмены ничего не знаютъ.

Большою извѣстностью во всеѣхъ окрестныхъ странахъ пользуются богатыя соляныя озера, называемыя Еръ-ойланъ или Дузь. Дузь значитъ просто соль, а Еръ-ойланъ—проваль земли; есть преданіе, что здѣсь когда-то была крѣпость, которая провалилась и на ея мѣстѣ явились два соляныя озера. Проваль глубиною 130 сажень; берега, состоящіе изъ красныхъ глинъ, мѣстами вертикальные обрывы, мѣстами пологіе; оба озера раздѣляются возвышеніемъ (70 саж. надъ дномъ), по которому и проходитъ дорога изъ Коюнъ-куи въ Акъ-робатъ. По южной сторонѣ озера есть нѣсколько отдѣльно стоящихъ кыровъ, видныхъ издалека. Въ озерахъ надъ солью около $\frac{1}{2}$ аршина воды; для добыванія вырубаютъ ломами куски въ видѣ мельничныхъ камней; на слѣдующій годъ разрабо-

танное мѣсто снова заполняется солью, которой, по словамъ туркменъ, неисчерпаемое количество. Соль прекраснаго качества.

Этими озерами пользовались всѣ туркменскія племена, обитающія окрестныя страны; мервцы и іоль-отанцы пользовались западнымъ озеромъ, сарыки изъ Пенде восточнымъ. Большая дорога, которою направлялись мервскіе караваны за солью, проходила черезъ Келе-бурунъ и Коюнъ-куи; но въ виду опасности по ней могли двигаться только большіе караваны съ сильнымъ конвоемъ для защиты отъ нападений сарыковъ или персовъ; поэтому кромѣ этой главной дороги къ Дузу отъ Мерва сердары знали еще много тропинокъ, по которымъ и проводили меньшіе караваны. Прошлою зимою, послѣ назначенія въ Серахсъ энергичнаго персидскаго правителя Али-Мерданъ-хана, отомстившаго мервцамъ за ихъ разбой разграбленіемъ текинскаго каравана близъ Коюнъ-куи, движеніе изъ Мерва и Іоль-отана къ Дузу прекратилось вовсе и мервцы стали покупать соль изъ Пенде чрезъ посредство іоль-отанцевъ; по занятіи Мерва и послѣдовавшемъ затѣмъ умиротвореніи края прежнее движеніе возобновилось.

Сарыки Пенде также имѣютъ извѣстныя имъ тропинки и кромѣ того двѣ большія дороги: первая по Кушку и далѣе черезъ Акъ-робатъ, длиннѣйшая, но богатая водою, и вторая безводная, кратчайшая, отъ Дашъ-кепри прямо на Дузь.

Солью изъ Еръ-ойлана пользовались и другія племена, но они не осмѣливались являться за нею сами, а покупали ее главнымъ образомъ у жителей Пенде. Джешмиды пріобрѣтали ее не только для себя, но и для продажи въ Гератъ, гдѣ она очень цѣнилась, такъ какъ соль, добываемая близъ этого города въ Афганистанѣ, худшаго качества; въ Пенде покупали соль также и жители Маймене.

Сообщенія въ край. Со времени водворенія текинцевъ въ Мервѣ и наступившаго безпорядка въ степи, движеніе по Юго-Западной Туркменіи почти вовсе прекратилось; даже между Іоль-отаномъ и Пенде сообщеніе было весьма мало оживленное; дорога изъ Пенде въ Гератъ по Кушку, бывшая прежде большимъ караваннымъ путемъ, нынѣ едва замѣтная тропинка. Внутри же страны проѣзжали только хорошо вооруженные караваны къ озерамъ Еръ-ойланъ, а главнымъ образомъ разбойники изъ Мерва и Пенде, ходившіе грабить другъ друга или чаще всего персовъ и афганцевъ. Торговые же караваны совершенно не могли двигаться. Но только что сказанное относится къ позднѣйшему времени и едва ли справедливо мнѣніе Роулинсона о томъ, что здѣсь никогда не было большой

дороги ¹⁾. Развалины робатовъ въ Кунгрюэли и близъ перевала Хомбоу указываютъ на одно изъ направлений; другое составляла дорога черезъ Акъ-робать; въ Гюрленѣ и близъ перевала Каруанъ-ашанъ существуютъ даже остатки укрѣпленій и слѣды посѣвовъ.

Дороги въ настоящемъ видѣ конечно вьючныя тропинки, но общій характеръ мѣстности въ высшей степени благопріятствуетъ проложенію здѣсь хорошихъ колесныхъ путей и даже устройству рельсоваго.

Подробное описаніе дорогъ изложено въ дневникахъ и маршрутахъ.

Населеніе Юго-Западной Туркменіи. Во внутренней части Юго-западной Туркменіи мало мѣстъ, пригодныхъ для земледѣлія, и она имѣетъ значеніе только для скотоводства; поселенія же сарыковъ и салоровъ, чорва которыхъ пользовалась междурѣчьемъ для своихъ стадъ, расположены по рѣкамъ Мургъ-абу и Гери-руду.

Сарыки; раздѣленіе на отдѣленія. Племя туркменъ сарыковъ, занимающихъ на Мургъ-абѣ оазисы Іоль-отанъ и Пенде, раздѣляется на слѣдующія отдѣленія: байраджъ, сукты, алаша, хорасаллы и герзеки. Впрочемъ, на вопросъ сколько у нихъ отдѣленій, сарыки всегда отвѣчаютъ не пять, а шесть, такъ какъ, при соображеніи и распредѣленіи воды и земли, при выборѣ старшинъ и пр. герзеки считаются за два отдѣленія.

Способъ управленія оазисами былъ такой же, какъ и въ Мервѣ, т. е. дѣйствительной власти не было никакой; всякій поступалъ какъ хотѣлъ и только въ случаѣ крайней необходимости принять какое либо рѣшеніе, касающееся всего оазиса, дѣло рѣшалось аксакалами; власть хановъ такъ же ничтожна, какъ было и въ Мервѣ; такъ въ Іоль-отанѣ Сары-ханъ былъ простымъ исполнителемъ постановленій аксакаловъ; приказать же онъ никому не могъ. Само собою теперь въ Іоль-отанѣ все измѣнилось; Сары-ханъ въ настоящее время русскій чиновникъ и его приказанія исполняются, но уже какъ приказанія русскаго начальника, а не какъ туркменскаго хана.

Численность племени. Сарыки сами опредѣляютъ численность своего племени въ 20.000 кибитокъ. Но чтобы казаться сильнѣе, туркмены всегда увеличиваютъ дѣйствительную цифру населенія и болѣе довѣрія заслуживаетъ число 12.000 кибитокъ, принимае-

¹⁾ Proceedings of the R. G. S. Jan. 1883 p. 16. «I have stated that there never was a high road through Badgheis along the line of the Hari-rud».

мое Петрусевичемъ; весьма вѣроятно, впрочемъ, что при повѣркѣ и оно окажется сильно преувеличеннымъ.

Изъ этихъ 12.000 кибитокъ треть, т. е. около 4.000, живетъ въ Иоль-отанѣ; остальные въ Пенде и по Кушку, Кашу и Кайсору.

Между сарыками живетъ небольшое число евреевъ; большая часть изъ нихъ прибыла изъ Герата; въ медресе этого города евреи и до сихъ поръ посылаютъ воспитываться своихъ дѣтей.

Сарыки не преслѣдуютъ Моисеевъ законъ, но притѣсняютъ и отнимаютъ деньги у его послѣдователей, когда тѣ богатѣютъ.

Нравы и обычаи. По своимъ правамъ, обычаямъ, занятіямъ и образу жизни сарыки мало отличаются отъ текинцевъ. Впрочемъ, жители Пенде едва ли не самое кочевое племя изъ всѣхъ туркменъ; мервцы уже начинаютъ прикрѣпляться къ землѣ хотя глиняными домиками для гостей и стѣнами своихъ кале и шехра. Сарыкъ же еще до сихъ поръ гордится тѣмъ, что его крѣпость—это сѣдло и ружье. Находящіеся въ треугольникѣ между Мургъ-абомъ и Кушкомъ укрѣпленія Таза и Кегне-Пенде были развалины еще до прихода сарыковъ; они не возобновлены и во всемъ оазисѣ нѣтъ ни одного укрѣпленія, ни одной самой простой постройки: всѣ живутъ поселеніями по 20, 30, иногда до 100 кибитокъ, стоящихъ на совершенно открытыхъ и ничѣмъ не огражденныхъ мѣстахъ. Мазанки, существующія въ Иоль-отанѣ, служатъ только какъ склады.

Вслѣдствіе большаго развитія у нихъ скотоводства живутъ сарыки весьма богато; у зажиточныхъ хозяевъ по нѣсколько кибитокъ; войлоки обшиты съ обѣихъ сторонъ бѣлымъ полотномъ, что придаетъ кибиткамъ нарядный, чистый видъ, весьма выгодно отличающій ихъ отъ кибитокъ другихъ племенъ. Стоимость кибитки отъ 300 до 800 тенге; внутри много ковровъ и имущества и даже снаружи многія кибитки украшены дорожками и весьма цѣнными коврами. Столь частыя въ Мервѣ камышевыя хижины, обмазанныя глиною, въ которыхъ живутъ бѣдняки, въ Пенде почти вовсе не встрѣчаются.

Языкъ. По словамъ туркменъ, можно отличить по разговору сарыка отъ салора или текинца, не говоря о болѣе удаленныхъ іомудахъ, ерсаряхъ и пр. Это весьма вѣроятно: обособленность каждаго племени, происходящая отъ постоянной вражды другъ съ другомъ, имѣетъ конечно послѣдствіемъ, что каждое изъ нихъ въ различной степени дѣлаетъ заимствованія у своихъ сосѣдей и даже вырабатываетъ себѣ нѣсколько отличное отъ другихъ нарѣчіе. Такъ, напр., каналь сарыки зовутъ ноу-хана, а не арыкъ, джаръ, джуй или

ябъ, какъ другіе туркмены. Особенно отличны имена собственные: большая крѣпость въ Мервѣ у сарыковъ носитъ названіе Ханъ-геченъ, совершенно неизвѣстное текинцамъ, называющимъ ее Коушутъ-ханъ-кала или Мары-шигаръ (городъ Мервъ). На этомъ мѣстѣ при сарыкахъ было небольшое укрѣпленіе и посѣвы; Медемій-ханъ въ теченіе 12 лѣтъ велъ войну съ туркменами и разорялъ это мѣсто, отчего оно и получило свое названіе Ханъ-геченъ, т. е. ханъ прошелъ. Укрѣпленіе, извѣстное текинцамъ подъ именемъ Порсу-кала, построено сарыками во время войнъ съ хивинцами для защиты плотины Дженаали-бендъ (нынѣ Коушутъ-ханъ-бендъ) и у сарыковъ еще въ настоящее время носитъ названіе Дженаали-бендъ-кала.

Одежда. Одежда мужчинъ весьма мало отличается отъ одежды другихъ туркменскихъ племенъ. Лишь сапоги у нихъ часто замѣняются мягкой кожаной обувью, сверхъ которой надѣваются доставленныя изъ Бухары калоши съ мѣдными задками. Дома весьма многіе вмѣсто туркменской бараньей шапки носятъ бухарскія суконныя тубетейки, обшитыя узкою полоскою мѣха.

Женскій костюмъ нѣсколько болѣе отличается отъ текинскаго: рубашки и шаравары такія же, какъ у текинокъ, но только почти исключительно синяго цвѣта, между тѣмъ какъ у этихъ послѣднихъ преобладаетъ красный. Головной уборъ совершенно особенный и состоитъ изъ высокой войлочной шапки, обмотанной до половины тонкимъ тюрбаномъ изъ цвѣтной матеріи, которая затѣмъ спускается сзади широкимъ покрываломъ до пояса, а спереди приподнята и закрываетъ подбородокъ.

Занятія. Главныя занятія сарыковъ скотоводство и земледѣліе; торговля и занятіе ремеслами развиты весьма мало; разбои же со стороны Юль-отана прекратились вовсе, а со стороны Пенде сильно стѣснены.

Также какъ у другихъ туркменъ, скотоводы у сарыковъ называются чорва, земледѣльцы—чомуръ.

Скотоводство у сарыковъ развито болѣе, нежели у какого-либо другаго туркменскаго племени, не смотря на то, что тревожное положеніе края до настоящаго времени не позволяло пользоваться лучшими пастбищами вокругъ Коюнъ-куи и заставляло ограничиваться ближайшими къ оазисамъ мѣстами. Жители Пенде—наиболѣе богатые скотоводы—пасли свои стада по холмамъ обоихъ береговъ Кушка и даже внутри Бадхыза, за что платили афганскому правителю подать около 6 телге за 100 барановъ.

На сѣверъ отъ Дашъ-кепри стадь не выгоняли далѣе переправы Юнгенлы, въ виду трудности охранять ихъ отъ мервскихъ разбойниковъ. Затѣмъ всѣми пастбищами до Курджукли никто не пользовался; это мѣсто было самое опасное во всей степи; тутъ бродили для набѣговъ разбойники всѣхъ окружающихъ племенъ.

Въ Іоль-отанѣ стадь очень мало: здѣсь живутъ только бѣдняки, переселившіеся сюда изъ Пенде, именно вслѣдствіе неимѣнія скота и недостатка хорошей земли при сляніи Мургъ-аба и Кушка. Свои немногочисленные стада іоль-отанцы пасутъ близъ своихъ ауловъ.

Охранять каждое стадо особыми нанятыми людьми было бы невыгодно, и потому система защиты принята другая: въ удобныхъ пунктахъ ставятся скрытно караулы, которыхъ обязанность слѣдить за движеніемъ разбойниковъ; въ случаѣ нападенія, караульщики спѣшатъ сообщить въ оазисъ, откуда и снаряжается соответствующая силѣ аламана погоня; стада гнать быстро нельзя и потому успѣшный угонъ рѣдко удавался; обыкновенно дѣло ограничивалось захватомъ лошадей, оружія и отдѣльныхъ людей.

Овцы сарыковъ очень хорошей породы; пастбища лучшія во всей степи, а потому, не смотря на бывшее тревожное время, сарыки самое богатое изъ туркменскихъ племенъ; многіе имѣютъ до 1000 барановъ; самые богатые — баи — даже до 2000 барановъ и 60—70 верблюдовъ.

Теперь, при полномъ умиротвореніи края, большая часть стадь, конечно, будетъ пастись на сѣверномъ склонѣ Элбиринъ-кыра; рѣдкіе колодцы не препятствіе для пастьбы; часть времени стада поятъ изъ рѣки, пока не съѣдены ближайшія къ ней пастбища; потомъ перекочевываютъ къ колодцамъ; барановъ на пастьбѣ даже лѣтомъ можно поить одинъ разъ въ 4—5 дней; въ промежуткѣ достаточно влаги, заключающейся въ травѣ.

Въ худшихъ условіяхъ, нежели скотоводство, находится у сарыковъ земледѣліе. Также какъ и въ другихъ низменныхъ частяхъ Средней Азіи, земля здѣсь не производитъ ничего безъ орошенія, а въ Пенде оно представляетъ большія трудности. Почти всюду долины Мургъ-аба и его притоковъ нешироки; окаймляющіе ихъ холмы, хотя не высоки, но безъ серьезныхъ сооруженій все же не допускаютъ вывода каналовъ и потому сарыки, по вытѣсненіи отсюда салоровъ, заняли всѣ долины рѣкъ.

Главные каналы для орошенія Пенде выведены изъ Мургъ-аба; но берега его здѣсь неудобны для установки плотины и потому

сарыки довольствуются небольшими каналами, питаемыми естественнымъ течениемъ рѣки; только въ очень низкую воду устраиваются у истока западныхъ каналовъ нѣсколько ниже Меручака изъ камней и хвороста временныя загражденія для поднятія горизонта воды, которыя весною уносятся высокими водами. Начало этого канала отдѣляется отъ разливовъ рѣки дамбою, называемою Бендъ-и-Надири, построенною еще ерсарями-чоршангы, жившими здѣсь ранѣе салоровъ.

Впрочемъ, кромѣ препятствій со стороны мѣстныхъ условій, есть и другія причины, почему сарыки не дѣлаютъ чего-либо болѣе совершеннаго для орошенія Пенде, это—неопредѣленность ихъ положенія, боязнь притѣсненій со стороны афганцевъ, которые могутъ принудить сарыковъ откочевать на сѣверъ, а главное—отсутствіе какого бы то ни было порядка среди самого племени.

При такомъ положеніи только самая низкая часть долинъ шириною 200—300 саж. орошена; мѣстности же, возвышающіяся на 2—3 саж., уже недоступны для поливки.

Каналами праваго берега Мургъ-аба пользуются отдѣленія байраджъ и алаша, лѣваго берега сукты, хорасаллы и герзеки.

Прежде сарыки пользовались водою, взятою изъ Мургъ-аба, близь укр. Бала-Мургъ-абъ, гдѣ ежегодно устанавливалось временное загражденіе Бендъ-и-джоукара; въ послѣднее время афганцы вытѣснили сарыковъ изъ Бала-Мургъ-аба и ихъ посѣвы заняты теперь джемшидами и хазаре.

При проѣздѣ въ 1878 году генерала Гродекова черезъ Калеивали, укрѣпленіе это лежало въ развалинахъ, никѣмъ не занятое; нынѣ въ немъ поселились сарыки-хорассалы.

Изъ рѣки Кашъ также выведены небольшіе каналы отдѣленіемъ герзеки. Какъ выше уже было сказано, Кашъ иногда пересыхаетъ лѣтомъ и потому пользованіе имъ рискованно; Впрочемъ даже при благоприятныхъ обстоятельствахъ онъ не даетъ много воды.

Не смотря на такой же рискъ отъ пересыханія, болѣе значенія для оазиса имѣетъ р. Кушкъ, обильная водою весною и послѣ дождей въ горахъ; вдоль всей долины рѣки племенемъ сукты и хорассалы выведены каналы, начиная отъ Чиль-духтера до входа въ оазисъ Пенде (около 20 верстъ южнѣ Дашъ-кепри); близь этихъ посѣвовъ сарыки не живутъ круглый годъ; оставивъ семейства въ Пенде, сюда приходятъ лишь декханы (земледѣльцы) для засѣванія полей и сбора жатвы; въ нѣсколькихъ пунктахъ по долинѣ построены ими небольшія укрѣпленія.

Далѣе на сѣверъ отъ герзеки, отдѣленіе сукты ведетъ нѣсколько каналовъ, изъ которыхъ главный по акведуку Дашъ-кепри проходитъ на лѣвую сторону рѣки и орошаетъ земли до переправы Юнгенлы.

Но всѣ вышеописанныя мѣста еще были недостаточны для сарыковъ; они прямо говорятъ, что въ Пенде орошенной земли слишкомъ мало: тамъ могли жить только богатые скотоводы и разбойники. Возобновить бывшее прежде орошеніе между Юнгенлы и Іоль-отаномъ не позволяло тревожное состояніе степи и потому, черезъ 10 лѣтъ по занятіи Пенде, бѣднѣйшая часть населенія, не имѣвшая стадъ и слѣдовательно менѣе всего рисковавшая, по приглашенію съ мервцами, рѣшила выселиться къ развалинамъ брошеннаго салорами укрѣпленія Іоль-отанъ. На 45 верстъ выше этого пункта они построили плотину Бендъ-и-Казахлы, отъ которой и идетъ каналъ, орошающій Іоль-отанскій оазисъ; противъ мѣста Чаръ-багъ каналъ раздѣляется на два параллельные, идущіе почти до самаго Мерва. Болѣе мелкія подраздѣленія не постоянны, и въ нихъ спускается вода, смотря по тому, гдѣ сдѣланы посѣвы. Ширина большихъ каналовъ 3 сажени, одиночнаго же, идущаго до Чаръ-бага—4 саж.; глубина 1 до 1¹/₂ аршина. Весь оазисъ Іоль-отанъ состоитъ изъ узкой полосы, рѣдко болѣе 2 верстъ шириною, тянущейся отъ Казахлы почти до Мерва, т. е. на протяженіи почти 60 верстъ. Справа онъ ограниченъ рѣкою, слѣва — песками, все время то подходящими къ рѣкѣ мысами, то удаляющимися заливами; каналы идутъ близъ самыхъ песковъ, иногда даже пересѣкаютъ ихъ. Собственно обработанная часть Іоль-отанскаго оазиса начинается лишь у Чаръ-бага и продолжается до развалинъ Талхатанъ-баба, гдѣ къ ней непосредственно прилегаютъ мервскія поля.

Кромѣ главнаго канала, въ самомъ разливѣ близъ Іоль-отана есть небольшіе посѣвы, вода на которые подымается при низкомъ горизонтѣ ея въ рѣкѣ, чигирями (водоподъемными колесами), такого же устройства, какъ употребляемые въ Хивѣ.

Нѣтъ сомнѣнія, что по окончательномъ умиротвореніи края, значительная часть жителей Пенде перекочетъ книзу и займетъ всѣ свободныя мѣста по Мургъ-абу, особенно близъ Іоль-отана, гдѣ земля очень хорошая и ея много, тѣмъ болѣе, что и прекрасныя пастбища находятся близко.

(На прилагаемой картѣ нанесены всѣ означенные каналы; изъ нихъ часть каналовъ, идущихъ изъ Меручака и Бала-Мургъ-аба—

по разпросамъ; остальные же были осмотрѣны при поѣздкѣ моей въ Пенде, въ мартѣ 1884 г.).

Въ оазисахъ Пенде и Юль-отанъ главнымъ образомъ воздѣлываются пшеница, джугара (сорго), ячмень (очень мало), рисъ прекраснаго качества, кунджуть, юрунджа (люцерна), хлопокъ (очень немного); огороды также весьма незначительны. Садовъ вовсе нѣтъ ни въ Юль-отанѣ, ни въ Пенде.

Не смотря на то, что, какъ сказано выше, весь успѣхъ земледѣлія зависитъ отъ орошенія, оно находится у сарыковъ такъ же, какъ и у другихъ туркменъ, на самой низкой степени развитія.

У другихъ народовъ Средней Азіи отсутствуютъ только теоретическія познанія въ этомъ дѣлѣ; у туркменъ же весьма мало и практической сноровки какъ въ устройствѣ каналовъ, такъ и въ содержаніи ихъ. Практики-строители ирригаціонныхъ сооруженій, называемые пянджварами, вообще весьма неискусны.

Мѣсто для расположенія плотины или истока канала выбирается въ колѣнѣ рѣки, чтобы воспользоваться направляющимся сюда теченіемъ; затѣмъ каналы проводятся руководствуясь остатками существовавшихъ прежде и покинутыхъ сооруженій, которыхъ всюду много; если же таковыхъ нѣтъ, то направленіе выбирается ощупью; не имѣя понятія о нивелировкѣ, туркмены никогда не увѣрены, что вода пойдетъ куда они желаютъ; поэтому каналъ роютъ, начиная отъ рѣки, небольшими участками, въ которые тотчасъ пускаютъ воду; если она не идетъ, то сдѣланный участокъ оставляютъ и вырываютъ новый; всюду видно множество такихъ брошенныхъ неудавшихся участковъ, иногда весьма длинныхъ. О приданіи уклона, соотвѣтствующаго качеству грунта, туркмены не имѣютъ понятія; это дѣлаетъ въ послѣдствіе сама вода, подмывая берега и увеличивая извилинами длину канала; даже содержаніе въ исправности береговъ и дамбъ каналовъ не соблюдается: значительная часть воды пропадаетъ въ разливахъ, занимающихъ большія пространства, особенно въ Мервскомъ оазисѣ; при этомъ, кромѣ бесполезной траты воды, гибнутъ, если не на всегда, то на весьма продолжительное время, хорошія земли; вода, испаряясь, оставляетъ соли, которыя обращаютъ почву въ негодные для обработки солончаки.

Водосливы почти никогда недостаточные; при возвышеніи горизонта, вода не проходитъ черезъ нихъ и разрушаетъ плотину; если же она настолько прочна, что вода не можетъ прорвать ее, то обходитъ сооруженіе, что рѣдко представляетъ затрудненія, такъ

какъ укрѣпленія береговъ у плотинъ не дѣлается. При возвышеніи горизонта воды, стража у плотины даетъ знать объ этомъ въ поселеніе; является нѣсколько сотъ, иногда даже двѣ, три тысячи человѣкъ и начинается борьба съ водою: все дѣлается безъ всякаго толка и почти нѣтъ плотины, которую бы не рвало каждыя 5—6 лѣтъ.

Понятно, какъ непроизводительно расходуется вода, какая безобразная въ общемъ получается система орошенія и какіе ничтожные, большею частью, результаты, вовсе не соотвѣтствующіе громадной затратѣ труда.

Сооруженія для ирригаціи самаго примитивнаго устройства. Какъ сказано выше, въ оазисѣ Пенде нѣтъ плотинъ: въ низкую воду какъ въ Бендъ-и-джоу-кара, такъ и по Кушку дѣлаютъ, возобновляемыя ежегодно, временныя загражденія изъ камней и хвороста для поднятія уровня воды и направленія ея въ каналы.

Акведукъ Дашъ-кепри построенъ во время господства здѣсь арабовъ; онъ состоитъ изъ девяти стрѣльчатыхъ арокъ пролетомъ по 1,8 саж., толщина быковъ 1,15, а вся длина акведука 30 саж., высота отъ горизонта воды до верха парапета 2,45 саж. Каналь, проходящій по верху, имѣетъ 5 арш. ширины и 1¹/₂ арш. глубины. Видъ акведука — неуклюжій, придавленный; при небольшой высотѣ, его стрѣльчатыя арки начинаются почти у дна рѣки и весьма некрасивы. Кладка сдѣлана на сарычѣ; такъ называется цементный растворъ, въ который кладутъ гажу, золу, солому и даже яйца для увеличенія его гидравлическихъ свойствъ; это впрочемъ не предохраняетъ акведукъ отъ разрушенія; многія арки выпали вполнѣ, другія, частью, и своды обратились въ простое покрытие; все держится лишь благодаря массивнымъ размѣрамъ, приданнымъ всѣмъ частямъ сооруженія.

Сарыки пробовали обратить акведукъ въ плотину, но, при отсутствіи водослива, поднявшаяся вода грозила обойти или снести акведукъ; поэтому загражденіе пролетовъ было разобрано.

Плотина Бендъ-и-казахлы, доставляющая воду въ каналы Голъ-отана и Курджукли, устроена изъ земли и хвороста, водосливъ, для пропуска не входящей въ каналь высокой воды, сдѣланъ изъ камня и фашинъ и потому требуетъ постояннаго присмотра и ремонта. При сарыкахъ, т. е. за послѣднія 17 лѣтъ, плотину три раза сносила вода; одинъ разъ вслѣдствіе того, что мервцы подожгли фашинникъ.

Каналь отъ Казахлы до Чаръ-бага былъ построенъ еще сало-

рами; тогда рѣка въ этомъ мѣстѣ текла по другому руслу, которое и было преграждено плотиною, направлявшею воду въ каналъ; высокая вода обошла плотину и прорыла рукавъ, соединяющійся со старымъ русломъ у Баба-кемберъ; плотина сарыковъ расположена въ этомъ новомъ рукавѣ. Вода идетъ сначала по старорѣчью до дамбы, расположенной на мѣстѣ салорской плотины и оттуда по старому каналу; уклонъ дна его весьма значительный и если бы онъ на всемъ протяженіи содержался чисто, то можно бы обойтись вовсе безъ плотины. Съ этою же цѣлью сарыки пробовали сдѣлать истоки канала еще выше: прорыть громадный арыкъ, но направленіе ему придано неудачное, онъ уперся въ песокъ и брошенъ.

Торговля. Отсутствие у сарыковъ почти всякихъ потребностей, вслѣдствіе ихъ бѣдности и малаго развитія съ одной стороны, и трудности сообщеній съ сосѣдними странами, съ другой, объясняютъ незначительные размѣры ихъ торговли.

Получаютъ сарыки въ Іоль-отанѣ—ситцы, красный товаръ, желѣзо, котлы, чай и шелкъ, главнымъ образомъ изъ Бухары; халаты изъ Хивы. Изъ Герата привозятъ также чай, шелкъ, канаусъ, леденцы, индиго (отправляемое въ Бухару и Хиву).

Въ Пенде предметы торговли почти тѣ-же, но, въ виду чрезвычайной опасности пути изъ Іоль-отана въ Пенде, первый изъ этихъ пунктовъ ведетъ торговлю главнымъ образомъ съ Бухарою, второй съ Гератомъ.

Изъ Бухары также привозятся столярныя подѣлки и предметы изъ дерева, сундуки, двери для кибитокъ и пр., изъ Хивы остовы для кибитокъ. Въ года ранняго пересыханія Кушка и Каша или неурожаевъ, часто бывающихъ въ Пенде и вслѣдствіе другихъ причинъ, пшеница въ значительномъ количествѣ закупается въ Мервѣ или Гератѣ.

Главные предметы отпуски изъ обоихъ оазисовъ — это бараны, отправляемые въ Бухару, и лошади и верблюды—въ Гератъ. Цѣна самаго большого барана 20—25 теңге.

Лѣсъ, растущій по Мургъ-абу, рубятъ и сплавляютъ для продажи въ Мервѣ, гдѣ хорошее дерево стоитъ 6—7 крановъ. У Бендъ-и-казахлы плоты развязываютъ и переносятъ на другую сторону плотины; за это караульные берутъ баджъ натурою: съ нѣсколькихъ деревьевъ по одному, употребляя полученное на исправленіе плотины и моста у Іоль-отана.

Рисъ, воздѣлываемый въ Пенде, славится во всѣхъ окрестныхъ странахъ какъ лучшій и вывозится въ Гератъ, Персію и Мервѣ.

Въ буграхъ по берегамъ Мургъ-аба и Кушка охотники бьютъ лисицъ, шкуры которыхъ продаются въ Бухарѣ по 36 — 40 крановъ за пачку.

Затѣмъ вывозятся нѣкоторыя произведенія сарыковъ:

1) Первое мѣсто занимаютъ ковры; по рисунку они нѣсколько отличаются отъ мервскихъ, а по качеству хуже этихъ послѣднихъ, вслѣдствіе примѣси бумаги и отсутствія примѣси шелка; въ оазисѣ, за неимѣніемъ тутовыхъ деревьевъ, шелководствомъ не занимаются вовсе. Цѣна ковровъ почти такая же, какъ мервскихъ.

2) Кошмы (войлоки) выдѣлываются въ довольно значительномъ количествѣ въ Пенде; кусокъ въ 5 аршинъ длиною и около 3 шириною стоитъ 10 крановъ.

3) Изъ шерсти молодыхъ верблюдовъ (одного, двухъ лѣтъ) дѣлаютъ прекрасную ткань для халатовъ; одна женщина въ годъ можетъ сдѣлать одинъ кусокъ около 9 аршинъ длиною и отъ 14 до 15 вершковъ шириною. Ткань эта очень высоко цѣнится въ Персіи и Гератѣ; кусокъ ея стоитъ 200 — 300 крановъ; у самихъ сарыковъ нѣтъ достаточно богатыхъ людей, чтобы носить подобные халаты. Въ томъ же родѣ болѣе дешевая ткань (80 крановъ за кусокъ) дѣлается изъ бараньей шерсти; она бѣлаго цвѣта.

Остальныя произведенія сарыковъ ремесленниковъ служатъ только для удовлетворенія мѣстныхъ потребностей.

Вслѣдствіе неспокойнаго положенія края, торговое движеніе могло происходить только при соблюденіи большихъ предосторожностей: для охраненія каравана въ 100 верблюдовъ приходилось нанимать 50—60 человѣкъ, за плату по 50 тенге до Чарджуя; эта охрана состояла изъ пѣшихъ людей (мергеновъ). Шли въ Бухару отъ 5 до 7 дней съ верблюдами и 12 дней съ баранами, большею частью по дорогѣ черезъ Репетекъ, которая считалась лучшею; она достаточно снабжена водою и количество песка на ней невелико; движеніе по ней затруднялось разбоями мервцевъ и ерсарей.

Трудность сообщеній вліяла на цѣну предметовъ: кусокъ кумача въ 56 аршинъ, стоящій въ Бухарѣ 38 тенге, въ Іоль-отанѣ продавался за 60; фунтъ сахара стоилъ 60 коп.

На базары, бывающіе два раза въ недѣлю, вывозятся главнымъ образомъ мѣстныя произведенія; предметы же, получаемые изъ другихъ странъ, продаются въ лавкахъ у евреевъ, которыхъ въ Іоль-отанѣ около 20 человѣкъ, въ ихъ же рукахъ находится и вся транзитная торговля между Гератомъ и Бухарою. Іоль-отанъ былъ очень удобнымъ посредникомъ, вслѣдствіе дружественныхъ отноше-

ній его жителей къ Пенде и болѣе или менѣе мирныхъ къ мервцамъ.

До настоящаго времени у сарыковъ главнымъ образомъ обращались бухарскія деньги—тенге (4 тенге составляютъ 1 кредитн. рубль) и старыя персидскія краны (около 30 коп.); еще весною настоящаго года сарыки не знали ни новыхъ персидскихъ крановъ (40 коп.), ни бумажныхъ денегъ.

Салоры. По свѣдѣнїямъ генерала Петрусевица, салоры дѣлятся на три племени: кипчагы, дазарду-ходжа и караманъ-ялавачъ. У стараго Серакса ихъ теперь около 3.000 кибитокъ (салоры сами считаютъ, что 4.000 кибитокъ); кромѣ того, по Мургъ-абу (среди мервцевъ и сарыковъ) около 1.000 кибитокъ, у Чарджуя 400, Маймене 200, близъ Герата у Пулъ-и-Саларъ около 100 домовъ.

Салоры самое слабое и бѣдное изъ туркменскихъ племенъ; кибитокъ почти ни у кого нѣтъ; всѣ живутъ въ камышевыхъ шалашахъ, обмазанныхъ глиною; стадъ почти вовсе нѣтъ; лошади и верблюды очень рѣдки; разбоями салоры уже давно не занимаются; земледѣліе почти единственное ихъ занятіе. Поселенія ихъ расположены частью у Ст. Серакса, частью у развалинъ Коушутъ-калы; для орошенія салоры пользуются каналами, берущими начало у Даулетъ-абада, вода въ которые направляется временными плотинами, возобновляемыми ежегодно при спадѣ водъ. Система ирригаціи такъ же не совершенна, какъ у мервцевъ и сарыковъ.

Историческій очеркъ. Въ концѣ восьмидесятихъ годовъ прошлаго столѣтія¹⁾, послѣ того какъ Мервъ былъ разрушенъ эмиромъ Маасумомъ бухарскимъ и жители его уведены частью въ Бухару, частью въ Мешхедъ и Герать, мѣстность по Мургъ-абу близъ Байрамъ-Али-кала заняли туркмены - сарыки и владѣли ею до конца пятидесятихъ годовъ настоящаго столѣтія, совершая оттуда свои набѣги на всѣ сосѣднія страны, не исключая и занятыхъ другими туркменскими племенами.

Для орошенія своихъ земель они построили плотину Дженаалибендъ, недалеко отъ нынѣ существующей; ее часто разрушали высокія воды, а иногда враги сарыковъ.

Въ концѣ двадцатихъ годовъ настоящаго столѣтія сарыки подчинились хивинскимъ ханамъ, и продолжалось это еще въ 1839 г.,

¹⁾ Нѣсколько свѣдѣній о болѣе древней исторіи этой мѣстности приведены Sir H. Rawlinson'омъ въ Proceedings of the R. Geographical Society. January 1883. См. Приложение I.

какъ свидѣтельствуеть объ этомъ Абботъ. Туркмены часто возставали противъ хивинцевъ и борьба сдѣлалась особенно ожесточенной при Медемій-ханѣ, который почти ежегодно предпринималъ походы противъ возставшихъ. По всѣмъ дорогамъ изъ Хивы въ Мервъ и Атекъ, затѣмъ по Мургу-абу къ Пенде и оттуда въ Серахсъ, сохранились еще нынѣ слѣды этихъ движеній; въ пескахъ это непрерывныя линіи костей вьючныхъ животныхъ, въ другихъ мѣстахъ на каждомъ переходѣ указываютъ хандеки Медемій-хана, т. е. окопы, которыми окружали свой лагерь хивинцы.

Во время этихъ войнъ построено у плотины Дженаали-бендъ укрѣпленіе, развалины котораго въ настоящее время, какъ уже было упомянуто выше, извѣстны у текинцевъ подъ именемъ Порсукала.

Сначала походы Медемія были успѣшны, но послѣдній изъ нихъ, въ 1855 году, противъ текинцевъ, жившихъ у Ст. Серахса, кончился полною неудачею; самъ ханъ былъ убитъ и хивинцы бѣжали не только изъ Серахса, но изъ Мерва.

Почти тотчасъ же послѣ этого, тѣснимые персами, текинцы подъ начальствомъ Кошутъ-хана двинулись изъ Серахса на Мервъ и послѣ двухлѣтней борьбы оттѣснили сарыковъ въ Пенде, откуда эти послѣдніе, въ свою очередь, вытѣснили жившихъ здѣсь салоровъ. Вслѣдствіе изложеннаго выше недостатка въ Пенде земли и трудности ея орошенія, десять лѣтъ спустя по занятіи Пенде, въ 1867 г., бѣднѣйшая часть сарыковъ заняла Іоль-отанъ.

Въ началѣ тридцатыхъ годовъ настоящаго столѣтія мы застаемъ салоровъ у Стараго Серахса. Пунктъ этотъ считался очень важнымъ; за него спорили и хивинскій ханъ и бухарскій эмиръ. Когда Аббасъ-Мирза рѣшился утвердить власть шаха отъ Хорасана до Окса, то первымъ дѣломъ онъ счелъ необходимымъ занять Серахсъ.

Хотя жившіе здѣсь салоры и не дѣлали сами набѣговъ, но они доставляли оружіе врагамъ Персіи и за это въ обмѣнъ получали персидскихъ плѣнныхъ, которыхъ частью удерживали въ качествѣ рабовъ, частью продавали въ Хиву и Бухару. Всего въ Серахсѣ было около 3.000 рабовъ шитовъ.

Въ 1832 г. Аббазъ-Мирза потребовалъ сдачи Серахса, и когда жители не согласились, то взялъ его приступомъ. Поселеніе было разграблено и большая часть жителей перерѣзана. Остальные, около 5.000 человѣкъ, были выкуплены хивинскимъ ханомъ за 50.000 тумановъ и приняли обязательство защищать персидскую границу

отъ текинцевъ и сарыковъ. Конечно, это послѣднее исполнено не было.

Послѣ этого разгрома салоры удалились съ береговъ Гери-руда на среднее теченіе рѣки Мургъ-аба и построили здѣсь Таза-Пенде и обширное укрѣпленіе Голь-отанъ, развалины котораго нынѣ заняты сарыками. Изъ Пенде они вытѣснили жившихъ здѣсь ерсарей (племени чоршангы), которые перешли въ Шибирканъ и Балхъ.

Разореніе соларовъ было настолько сильно, что они уже никогда не могли поправиться; когда 25 лѣтъ спустя сарыки явились на ихъ земли, то не встрѣтили почти никакого сопротивленія; салоры откочевали, съ разрѣшенія персидскихъ властей, къ Зуръ-абаду; здѣсь въ горахъ вода въ изобиліи, но ручьи текутъ въ узкихъ ущельяхъ и нѣтъ мѣста для посѣвовъ; у самаго же Зуръ-абада равнина, годная для обработки, невелика и воды весьма немного, такъ что приходится пользоваться арыками изъ кѣризовъ, а выведеніе каналовъ изъ Гери-руда представило бы слишкомъ большія затрудненія. Поэтому, послѣ двѣнадцатилѣтняго пребыванія здѣсь, салоры стали проситься на правый берегъ Гери-руда къ Старому Серахсу. Персы согласились, но требовали, чтобы салоры приняли на себя содержаніе кордона для защиты персидской границы отъ сарыковъ и мервцевъ. Эти послѣдніе, разсерженные такимъ поведеніемъ салоровъ, угнали весь скотъ ихъ и согласились вернуть его владѣльцамъ только въ случаѣ, если все племя переселится въ Мервъ, что и было исполнено. Здѣсь тѣ немногіе, у кого были стада, занимались скотоводствомъ; часть занималась земледѣліемъ и за пользованіе землею и водою отдавала мервцамъ четверть жатвы; а большинство — бѣдняки, прямо поступали въ работники къ мервцамъ.

Лѣтомъ 1881 года, по совѣту Тыкма-сердара, мервцы рѣшили болѣе не задерживать салоровъ, а отпустить ихъ на старыя мѣста. Они въ числѣ болѣе 2.000 кибитокъ явились къ Серахсу, прося разрѣшенія персидскихъ властей поселиться здѣсь; вмѣсто этого, частью подкупомъ старшинъ, частью обѣщаніемъ вспомошествованія, хорасанскій вали успѣлъ поселить большинство салоровъ у Зудъ-абада, съ тѣмъ, чтобы образовать вдоль Гери-руда кордонъ отъ набѣговъ сарыковъ и мервцевъ. Салоры заняли отъ Пуль-ихатуна до Зуръ-абада и далѣе на югъ по берегу рѣки всѣ мѣста, годныя для посѣвовъ. Небольшое число домовъ, впрочемъ, осталось у Старога Серахса.

Отношенія салоровъ къ персамъ были самыя непріязненныя:

по тѣмъ же причинамъ, какъ и прежде, кочевники не любили горной мѣстности у Зуръ-абада; персы же построили здѣсь укрѣпленіе, поставили гарнизонъ и пушки и не стѣснялись притѣснять поселенцевъ.

Влѣдствіе этого, тотчасъ по занятіи русскими войсками Коушутъ-калы (близь Старого Серахса), къ салорамъ, жившимъ здѣсь, присоединились всѣ бывшіе у Зуръ-абада, и въ настоящее время на правомъ берегу Гери-руда собралось около 3.000 кибитокъ этого племени.

Отношенія сарыковъ къ своимъ сосѣдямъ. Введенные сарыками на занятыхъ земляхъ порядки и способы хозяйства сохранились почти безъ измѣненія отъ начала поселенія до настоящаго времени. Напротивъ, сношенія сарыковъ съ ихъ сосѣдями, туркменами другихъ племенъ, персами и афганцами существенно измѣнились въ послѣдніе годы, главнымъ образомъ въ зависимости отъ двухъ событій: взятія Гѣкъ-тепе (12 января 1881 года) и занятія Мерва (3 марта 1884 года).

Отношенія сарыковъ къ текинцамъ всегда были враждебны; борьба за обладаніе Мервскимъ оазисомъ довела взаимную ненависть племенъ до высшей степени; и до сихъ поръ сарыки не могутъ примириться съ мыслью объ утратѣ плодородныхъ низовьевъ Мургъ-аба. При проѣздѣ моемъ весною настоящаго года черезъ Пенде, многіе заявляли, что теперь, когда русскіе заняли Мервъ, было бы справедливо выгнать оттуда текинцевъ на прежде занимаемыя ими земли въ Атекъ и близь Серахса, а Мервъ возвратить сарыкамъ.

Во время похода персовъ противъ Мерва въ 1860 году сарыки были на сторонѣ персовъ и затѣмъ до послѣдняго времени не прекращалась между обоими племенами самая ожесточенная борьба, конечно, выражавшаяся не какими либо военными дѣйствіями, а, по туркменскому обычаю, рядомъ разбоевъ: разбойники обоихъ племенъ шли особыми путями, чтобы не встрѣчаться другъ съ другомъ и нападали только на безоружныхъ лицъ по границамъ оазисовъ, на стада и караваны. Мервцы на аламанъ ходили по дорогѣ къ Серахсу до Кель-хоуза или Ніязь-абада, сворачивали на Адамъ-еланъ, Акъ-робать и Пенде. Сарыки обыкновенно держались рѣки Мургъ-абъ.

Въ Кара-кумы они рѣдко заходили сѣвернѣе дороги изъ Бухары въ Мервъ и Серахсъ, хотя иногда и случались нападенія близь Дертъ-куи и Карры-бенда; по названной же дорогѣ появле-

ніе сарыковъ было дѣломъ весьма обыкновенномъ и составляло главное препятствіе развитію торговыхъ сношеній Бухары съ Мервомъ и Персією.

Въ виду всего этого, свѣдѣнія о томъ, что сарыки Пенде помогали текинцамъ во время осады Гѣкъ-тепе, едва ли справедливы; если сарыки и принимали участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ, то вѣроятно это были жители Іоль-отана.

Эти послѣдніе были въ значительной зависимости отъ мервцевъ; даже занятіе ими сѣвернаго оазиса не могло произойти безъ согласія текинцевъ. До сихъ поръ многіе въ Мервѣ съ презрѣніемъ говорятъ объ іоль-отанцахъ, указывая, что Іоль-отанъ, это пешкемъ, который Нуръ-верды-ханъ и Коушуть-ханъ дали сарыкамъ. Поля сарыковъ были рядомъ съ полями мервцевъ; но при этомъ все же отношенія были весьма неопредѣленныя и возможны только въ Азіи: нѣкоторые жители ѣздили другъ къ другу, вели торговлю, другіе ходили туда же грабить лошадей, верблюдовъ и барановъ; конечно, это не могло оставаться въ тайнѣ и влекло за собою месть со стороны обиженныхъ и борьба продолжалась, но лишь скрытно. Относительно другихъ сосѣдей Іоль-отанъ и Пенде сохраняли постоянную связь: жители вмѣстѣ ѣздили на ерсарей, персовъ и афганцевъ. Связь Іоль-отана и Мерва лучше всего выразилась по занятіи этого послѣдняго русскими войсками: іоль-отанцы вполне сознавали невозможность отдѣльнаго существованія и по выступленіи нашего отряда изъ Карры-бенда обратились къ мервскимъ старшинамъ, предлагая соединить судьбу обоихъ народовъ; когда же оазисъ былъ занятъ, то прямо просили о принятіи ихъ въ русское подданство.

Занятіе Мерва повліяло весьма существенно и на отношенія пендинцевъ къ мервцамъ; эти послѣдніе совершенно прекратили грабежи; пендинцы, съ своей стороны, сознаютъ, что нападеніе на русскихъ подданныхъ не останется безнаказаннымъ и въ настоящее время по Мургъ-абу стало довольно спокойно.

Ерсари въ своихъ набѣгахъ доходили до Мургъ-аба, откуда и угоняли стада сарыковъ; это причина почему на правомъ берегу не держали стадъ ни жители Пенде, ни Іоль-отана, ни даже туркмены, жившіе далѣе на востокъ.

Съ салорами сношенія сарыковъ были тѣ же, что съ мервцами и ерсарями.

Гдѣ бы ни жили сарыки, они всегда тревожили восточную часть Персіи; послѣ вытѣсненія ихъ въ пятидесятыхъ годахъ на

югъ, районъ грабежей ихъ перемѣнился и главнымъ образомъ стали страдать провинціи Джамъ, Бахарзъ и Сеистанъ; нападать на сѣверныя части Хорасана они не рѣшались изъ страха встрѣчи съ мервцами. За эти грабежи персы мстили отдѣльными набѣгами, иногда весьма серьезными, какъ, на примѣръ, набѣгъ въ 1877 г. изъ Турбетъ-Шейхъ-и-Джама на оазисъ Пенде; при этомъ у сарыковъ было угнано до 100.000 овецъ (подробности можно найти въ статьѣ ген. Петрусевича. Записки Кавказскаго Отдѣла И. Р. Г. О., книга XI. Вып. I, стр. 40 и 41).

Никогда однако персы не пробовали принять радикальныя мѣры для обузданія сарыковъ и утвердиться на правомъ берегу Гери-руда; даже и на лѣвомъ берегу этой рѣки между Доулетъ-абадомъ и Кусаномъ ихъ власть была чисто номинальная. Генералъ Петрусевичъ посѣтилъ эти мѣста въ концѣ семидесятыхъ годовъ, т. е. именно передъ самымъ покореніемъ Ахала, и весьма обстоятельно описалъ бывшее тогда положеніе дѣлъ въ этой части Персіи (тамъ же, стр. 91—93): „Въ треугольникѣ, образуемомъ рѣкою Кешафъ-рудомъ, прямою линіею отъ Мешхеда до границы съ Гератомъ (по ней идетъ дорога изъ Мешхеда въ Гератъ) и рѣкою Гери-рудомъ, отъ впаденія Кешафъ-руда до Гератской границы, было прежде, по разсказамъ старожиловъ, громадное населеніе, въ одномъ только округѣ Пясъ-и-кухъ-и-Джамъ (онъ заключается въ горной мѣстности, лежащей слѣва Гери-руда, вокругъ Зуръ-абада) считалось до 460 деревень, изъ которыхъ теперь не осталось и 20 деревень, да и тѣ держатся только благодаря близкому своему положенію къ Мешхеду; остальные же уничтожены нашествіями бухарцевъ и хивинцевъ и въ особенности послѣдовавшими за ними туркменскими набѣгами, не прекращающимися и до сихъ поръ.

„Весь треугольникъ, въ описанныхъ выше границахъ, я имѣлъ возможность объѣхать и убѣдился; что не только по Гери-руду не существуетъ населенія, но нѣтъ его и вблизи этой рѣки. По Кешафъ-руду крайнее поселеніе — это деревня Шадиче, отстоящая отъ Мешхеда въ 50 верстахъ. За нею дальше на сѣверъ нѣтъ поселеній, хотя развалинъ прежнихъ деревень немало; но для прикрытія жителей отъ внезапныхъ хищническихъ набѣговъ, у начала тѣснины Акъ-дербендъ, въ которую прорывается Кешафъ-рудъ, прошедши еще версть 40 отъ деревни Шадиче, стоитъ незначительное укрѣпленіе Акъ-дербендъ съ 14 человекъ караула изъ шамхальчи и, верстахъ въ 20 не доходя до него, въ полуразрушенной оградѣ деревни Багъ-и-баганъ стоитъ постъ изъ 4 человекъ шамхальчи.

По прямой дорогѣ на югъ отъ деревни Шадиче, близъ мѣстности, носящей названіе Оленги-шахи, есть еще 6 деревушекъ: Сулеймани, Аррау, Джелаль-абадъ, Джизъ-абадъ, Кельмесанъ и Гейамей имѣющихъ всѣ вмѣстѣ до 100 дворовъ и населенныхъ племенемъ систани и мервли. Эти шесть деревень составляютъ совершенно особенное населеніе, отдѣленное отъ остальныхъ населеній Хорасана своимъ выдающимся положеніемъ, вслѣдствіе чего деревеньки чаще другихъ подвергались нападеніямъ хищническихъ партій туркменъ. Это самое крайнее восточное поселеніе Хорасана, а на югъ отъ Мешхеда всѣ поселенія тянутся по дорогѣ, идущей къ Герату, и восточнѣе этой дороги нѣтъ уже ни одного поселенія, такъ что, хотя персіяне и признаютъ Гери-рудъ своею границею, но на ней нѣтъ у нихъ не только поселеній, но даже карауловъ или какихъ либо постовъ, за исключеніемъ большаго укрѣпленія Серакса и лежащаго выше его по теченію рѣки Гери-рудъ, въ 15 верстахъ, форта Даулетъ-абада, гдѣ должны бы находиться 20 человекъ шамхальчи, но въ дѣйствительности есть только 6 человекъ. Правда, говорятъ, что сертипъ Али-Мерданъ-ханъ-теймури обязанъ содержать конные разъѣзды по лѣвому берегу Гери-руда; но въ свою поѣздку по тѣмъ именно мѣстамъ, гдѣ должны были встрѣтиться разъѣзды, я не только не видалъ никого, но даже не замѣтилъ слѣдовъ разъѣздовъ, хотя во время поѣздки мы прошли мимо небольшой партіи текинцевъ, совершившей грабежъ на границѣ Герата и Хорасана, а послѣ насъ на Кешафъ-рудѣ значительная партія напала на 30 человекъ шамхальчи, шедшихъ на смѣну шамхальчи, содержавшихъ караулъ въ фортѣ Муздеранѣ, лежащемъ на прямой дорогѣ отъ Мешхеда въ Серахсъ.

„Такимъ образомъ, фактическая граница на востокъ проходитъ не по Гери-руду, а западнѣе его, именно отъ укрѣпленія Серакса на укрѣпленіе Даулетъ-абадъ, оттуда уклоняется немного на юго-западъ на брошенное укрѣпленіе Шурдже и затѣмъ на укрѣпленіе Акъ-дербендъ, а потомъ идетъ вверхъ по долиинѣ Кешафъ-руда до деревни Шадиче, и отъ нея прямо на югъ на группу 6 поселковъ, близъ Оленги-шахи, откуда переходитъ къ верховьямъ рѣки Джама, въ селеніе Фери-мунъ, затѣмъ теченіемъ рѣки Джама до городка Турбетъ-и-шейхъ-и-Джамъ, а потомъ большою караванною дорогою на деревню Мухсынъ-абадъ и Кэризь, за которыми поселенія на восточной границѣ прекращаются на значительное разстояніе. Перечисленные пункты составляютъ фактическое право

владѣнія персіянъ, или границу распространенія поселеній Хорасана на востокъ“.

Извѣстно какой переворотъ въ поведеніи персидскихъ властей относительно туркмень-теке совершило взятіе нашими войсками Гёкъ-тепе; уже въ концѣ 1881 года было положено начало цѣлому ряду попытокъ захватить непринадлежавшія прежде Персіи мѣстности: въ Баба-дурмасѣ начато возобновленіе разрушенной туркменской крѣпости: затѣмъ засѣяны поля на равнинахъ Атека, а на правомъ берегу Теджена возведено укрѣпленіе Рукнъ-абаль.

Но въ мѣстностяхъ, ближайшихъ къ сарыкскимъ поселеніямъ, персы не смѣли дѣйствовать такъ рѣшительно: это послѣднее племя не пострадало отъ взятія Гёкъ тепе и продолжало свою прежнюю дѣятельность. Еще въ началѣ 1882 года, въ Серахсѣ, персы мнѣ утверждали, что правый берегъ Герируда совершенно недоступенъ, вслѣдствіе грабежей сарыковъ; но уже осенью того же года комендантъ Зуръ-абада передавалъ, что онъ посылаетъ разъѣзды отъ Зюлфагара въ Кэризь-Иліясу; спрошенные же объ этомъ салоры, жившіе въ этой же крѣпости, смѣялись надъ этимъ хвастовствомъ хана: „мы туда не ходимъ, говорили они, а персы никогда не осмѣлятся этого сдѣлать“. Расположенные въ Мохсынъ-абадѣ всадники также передавали, что разъѣзды ихъ ограничиваются лѣвымъ берегомъ рѣки.

Послѣ назначенія въ Серахсѣ комендантомъ Али-Мерданъ-хана персы начали дѣйствовать нѣсколько рѣшительнѣе и, пользуясь впечатлѣніемъ, произведеннымъ движеніемъ русскаго отряда къ Мерву, стали посылать разъѣзды и на правый берегъ рѣки. Разъѣзды эти, конечно, не составляли ничего правильнаго или постояннаго: персидскіе всадники пробирались тайкомъ, слѣдили за движеніями разбойниковъ и, въ случаѣ приближенія ихъ, предупреждали поселенія лѣваго берега, сами большею частью не вступая въ битву, такъ какъ составъ разъѣзда всегда очень незначительный; въ аламанахъ же, напротивъ, принимали обыкновенно участіе не менѣе 10 — 20 человекъ. Необходимо при этомъ сказать, что этими разъѣздами и ограничивается вся система защиты своихъ владѣній персами; никакихъ постовъ на правомъ берегу Гери-руда они не только не имѣютъ, но имѣть не могутъ до полнаго умиротворенія края (т. е. до подчиненія Россіи пендинцевъ), безъ устройства укрѣпленныхъ пунктовъ для защиты отъ нападеній сарыковъ и для храненія припасовъ, иначе небольшой постъ непременно будетъ истребленъ, или по крайней мѣрѣ ограбленъ кочевниками;

присутствіе русскихъ въ Голь-отанѣ не удерживаетъ пендинцевъ отъ разбоевъ въ Сеистанѣ и Бахарзѣ и весною этого года они еще происходили.

Разказы о постахъ и т. п. — результатъ, главнымъ образомъ, хвастовства пограничныхъ персидскихъ властей и кромѣ того продуктъ недоразумѣнія, происходящаго отъ смѣшенія нашихъ понятій о постахъ, разѣздахъ и караулахъ съ тѣмъ, что подъ этимъ именемъ понимается въ Азіи.

Что касается до отношеній жителей Южной Туркменіи къ властямъ Кабула и Герата, то занимавшее до сарыковъ среднюю часть Мургъ-аба сначала племя ерсари (отдѣленіе чоршангы) и вытѣснившіе ихъ затѣмъ въ началѣ тридцатыхъ годовъ салоры не имѣли никакихъ сношеній съ афганскими властями; въ 1839 году Абботъ, проѣзжавшій вдоль Кушка и Мургъ-аба, по дорогѣ изъ Герата въ Хиву, передаетъ, что джемшиды не смѣли селиться ниже Каратепе; пасти же свои стада сюда являлись пастухи изъ Мерва; въ Калеи-морѣ начинались владѣнія харезмскаго хана ¹⁾.

Послѣднія афганскія поселенія были Кусанъ и Бала-Мургъ-абъ; близь нѣкоторыхъ переваловъ черезъ горы Борхуть въ настоящее время сохранились еще слѣды сторожевыхъ башенъ (Каруанъ-ашанъ), брошенныхъ афганцами во время безпорядковъ, сопровождавшихъ осаду персами Герата въ 1830 году; съ тѣхъ поръ эти башни не возобновлялись и не были никѣмъ заняты.

Афганцы никогда не вмѣшивались въ дѣла на Мургъ-абѣ. Хотя уже въ 1850 году Достъ-Магомедъ-ханъ окончательно покорилъ себѣ провинціи афганскаго Туркестана, но онъ не предъявлялъ никакихъ претензій на мѣстность восточнѣе Маймене. Она была подчинена Хивѣ, наравнѣ съ Мервомъ. Медемій-ханъ хивинскій являлся сюда неоднократно съ своими войсками для борьбы съ возстававшими противъ него туркменами, стоялъ подолго въ Пенде, ходилъ оттуда въ Серахсъ и все это не возбуждало никакихъ претензій со стороны правителей Кабула или Герата ²⁾.

Сарыки, поселившіеся въ Пенде, имѣли весьма значительныя стада; тревожное же состояніе края дѣлало большую часть паст-

¹⁾ Приложение II заключаетъ переводъ той же части «Narrative of a journey from Herat to Khiva» by Capt. James Abbot, которая касается дороги по Кушку и Мургъ-абу и до положенія дѣлъ въ Юго-Западной Туркменіи и Бадхызѣ во время, предшествовавшее утверженію Достъ-Магомедъ-хана въ Кабулѣ.

²⁾ Гератъ завоеванъ Достъ-Магомедъ-ханомъ въ 1863 году; это также годъ смерти хана.

бищъ недоступною для нихъ и потому новымъ поселенцамъ пришлось войти въ соглашеніе съ своими сосѣдями; борьба и огтѣсненіе джемшидовъ на югъ были невозможны вслѣдствіе поддержки, которую этому племени оказывало гератское правительство, и сарыки стали гонять свои стада для пастьбы за сѣверные склоны Паропамиза, уплачивая за это гератскимъ властямъ по 6 и даже по 8 тенге за каждые 100 барановъ. За земледѣліе и пользованіе водою, сарыки по прежнему никому ничего не платили, такъ какъ земли, занятія ими, издавна считались туркменскими. Плата за пастьбу стадъ была весьма непостоянная: когда власть эмира была прочна въ Афганистанѣ и особенно въ Чаръ-вилайетѣ и Гератѣ, сарыки аккуратно вносили слѣдующія съ нихъ деньги; но лишь только начинались какіе-либо безпорядки, сарыки тотчасъ же ими пользовались для того, чтобы отказаться отъ уплаты условленнаго; афганцы никогда не являлись за полученіемъ денегъ, а въ случаѣ сопротивленія сарыковъ захватывали на пастьбищахъ часть стадъ ихъ, которыя и не отпускали до полученія требуемаго.

Въ то же самое время грабежи сарыковъ въ Гератской долинѣ были дѣломъ самымъ обыкновеннымъ.

Не прочнѣе была связь сарыковъ и съ Бухарою. Была значительная партія какъ въ Пенде, такъ и въ Юль-отанѣ, которая признавала власть эмира бухарскаго; подчиненіе заключалось въ томъ, что сарыкскіе ханы ѣздили въ Бухару, получали подарки отъ эмира и въ случаѣ, если онъ лично терпѣлъ отъ разбоевъ племени, то старались вернуть награбленное. Конечно, сарыки при этомъ не переставали грабить бухарскіе караваны, а ерсари сарыкскіе.

Таково было положеніе края въ моментъ взятія Гѣкъ-тепе и нѣкоторое время послѣ того.

Только въ послѣднее время эмиръ Абдуль-Рахманъ сталъ заявлять притязанія на владѣнія Пенде, а для поддержанія ихъ въ концѣ прошлаго года въ Бала-Мургъ-абѣ поставилъ 1.000 всадниковъ съ ихъ семействами изъ племенъ хазаре и джемшидовъ подъ начальствомъ афганскаго генерала (джернейль); жившіе же вдоль канала, выведеннаго отъ Бендъ-и-джоу-кара, сарыки были вытѣснены изъ своихъ поселеній и земли ихъ отданы водвореннымъ здѣсь племенамъ.

При джернейлѣ находится и специально назначенный сборщикъ податей, который теперь, опираясь на близость афганскихъ войскъ, является прямо въ Пенде за полученіемъ платы за пастьбу скота

на склонахъ Паропамиза. Осенью прошлаго года афганцы стали требовать съ сарыковъ еще новой подати, именно $\frac{1}{10}$ часть жатвы; только жители меручака, ближайшіе къ занятымъ афганцами укрѣпленіямъ, согласились ее уплатить, такъ какъ въ случаѣ неисполненія требованія, джернейль могъ уничтожить ихъ посѣвы. Въ остальныхъ поселеніяхъ никто не признаетъ новаго налога; вступить же для насильственныхъ дѣйствій въ самый оазисъ, при имѣющемся количествѣ войскъ, афганцы не смѣютъ.

Въ маѣ настоящаго года, приѣзжавшіе въ Асхабадъ сарыки передавали, что въ Бала-Мургъ-абъ прибыли еще три фоджа (баталіона) афганскихъ войскъ, и что будто они приготовляются строить укрѣпленіе близъ Дашъ-кѣпри; это послѣднее до настоящаго времени не подтвердилось.

Сарыки весьма враждебно относятся къ дѣйствіямъ афганцевъ, но сопротивляться имъ не могутъ: отношенія ихъ тѣ же, что были у жителей Атека къ ханамъ Келата и Дерегеза: ихъ поля и стада всегда могутъ подвергнуться внезапнымъ набѣгамъ афганскихъ войскъ.

Сарыки теперь убѣдились, что подданство Афганистану не представляетъ выгодъ. Правда, афганскія власти не препятствуютъ производить грабежи въ Персіи и у ерсарей; но теперь это затрудняется сосѣдствомъ русскихъ и потому эта единственная приманка почти исчезаетъ, а затѣмъ произволь начальниковъ, поборы и высокіе налоги заставляютъ сарыковъ желать сравненія своего положенія съ положеніемъ мервцевъ или ахальцевъ. Только самые упорные разбойники не хотятъ забыть старое и надѣются, что, подъ покровительствомъ афганцевъ, оно еще можетъ продолжаться; такихъ людей мало и, конечно, въ случаѣ появленія русскихъ въ Пенде, они будутъ встрѣчены въ высшей степени сочувственно громаднымъ большинствомъ населенія оазиса.

Приложеніе I.

Ислѣдованія мѣстности между рѣками Мургъ-абомъ и Гери-рудомъ, выяснившія дѣйствительный характеръ ея и отсутствіе прежде предполагавшагося здѣсь хребта горъ высотой въ 20.000 футь и слѣдовательно отсутствіе неприступной преграды для движенія къ Герату съ сѣвера обратило на себя гораздо болѣе вниманія въ Англіи, нежели у насъ въ Россіи.

Замѣтка о моей первой поѣздкѣ въ эту мѣстность, помѣщенная въ газетѣ „Голосъ“ (отъ 1 и 4 сент. 1882 г.) была переведена на англійскій языкъ и составила предметъ парламентской книги Central Asia № 1 (1883) ¹⁾ и затѣмъ была доложена въ засѣданіи Лондонскаго Геогр. Общества (^{15/27} ноября 1882 г.). Докладъ состоялъ изъ названной замѣтки съ нѣкоторыми сокращеніями. Относительно населенія Атека докладчикъ сдѣлалъ два замѣчанія, впрочемъ совершенно неосновательныя. Полковникъ Стюартъ въ запискахъ Лондонскаго же Геогр. Общества говоритъ: „Ханъ Дерегеза, находя невозможнымъ существованіе курдскаго или тюркскаго населенія въ этихъ пограничныхъ деревняхъ, убѣдилъ текинцевъ и другихъ туркменъ занять ихъ“ ²⁾, что вполнѣ согласно съ моими словами о составѣ населенія; но желая доказать присутствіе въ Атекѣ персовъ, докладчикъ говоритъ: „полк. Стюартъ передаетъ, что населеніе Атека состоитъ изъ курдовъ, персовъ и туркменъ“ ³⁾. Точно также неосновательно, что алиелинцы въ Кахка пришли изъ Афганистана; близъ Андкоя есть алиелинцы, но тѣ, которые населяютъ Кахка, пришли изъ Хивы, гдѣ и теперь еще есть туркмены этого племени. Фактъ этотъ извѣстенъ всѣмъ не только въ Атекѣ, но и въ Келатѣ и Дерегезѣ и объ немъ заявляли англійскіе же путешественники ⁴⁾, посѣщавшіе эти страны.

По окончаніи доклада, Sir Henry Rawlinson прочелъ по поводу его замѣтку, представляющую весьма много интереса, какъ по заключающимся въ ней географическимъ и историческимъ свѣдѣніямъ, такъ и по выясненію въ ней и въ послѣдовавшихъ преніяхъ взглядовъ нѣкоторыхъ изъ выдающихся англійскихъ государственныхъ людей на проведеніе русско-индійской желѣзной дороги.

Здѣсь приведемъ, съ нѣкоторыми сокращеніями, переводъ этой замѣтки:

„Г. Лессаръ, пополнивъ недостававшее звено въ начертаніи кратчайшей линіи сообщенія Россіи съ Индією, разсѣялъ заблужденія, которыя до настоящаго времени затемняли дѣло, и далъ намъ впервые вѣрный очеркъ вида страны. Много и много разъ въ этомъ

¹⁾ Despatches from her Majesty's Ambassador at St.-Petersburg forwarding translations of the published reports of M. Lessar's journeys in Central Asia. (С.—35 6).

²⁾ Proceedings. R. G. S. 1881, № 9.

³⁾ Тоже 1883, № 1.

⁴⁾ Extracts from a diary of a tour in Khorassan, by capt. Napier. Journal of the R. G. S. Vol XLVI p. 91.

Обществѣ и въ другихъ собраніяхъ слышалъ я о „непроходимыхъ пустыняхъ“, „недоступныхъ горныхъ хребтахъ“, воздвигнутыхъ самую природою, какъ преграда приближенію къ Индіи съ сѣвера и сѣверо-запада. Еще не далѣе какъ въ послѣдней книгѣ „The Nineteenth Century“ я читалъ слѣдующія слова, принадлежащія перу одного изъ нашихъ выдающихся политическихъ писателей и сказанныя имъ въ опроверженіе мнѣнія о возможности движенія русскихъ къ Индіи: „не трудно, столкнувшись съ варварскими племенами, покорить и присоединить ихъ; но совсѣмъ иное дѣло перейти высокій горный хребетъ для вторженія въ цивилизованную страну“. Теперь же этотъ „высокій горный хребетъ“, на который оптимисты возлагали надежды для защиты Индіи, обратился, по изслѣдованіямъ г. Лессара, въ рядъ ничтожныхъ холмовъ песчаника, высотой не болѣе 1.000 футъ; проложить по немъ колесную дорогу—дѣло нѣсколькихъ часовъ; не болѣе трудностей представить онъ и для постройки желѣзной дороги. Г. Лессаръ, съ точки зрѣнія инженерной и географической, прослѣдилъ линію наступленія Россіи, въ прошломъ и будущемъ, отъ Каспія къ Асхабаду, отъ Асхабада къ Серахсу и отъ Серахсу къ Герату и выяснилъ, что характеръ мѣстности не представитъ затрудненій къ сооруженію, по первому требованію, въ нѣсколько мѣсяцевъ, желѣзной дороги отъ Каспія къ столицѣ западнаго Афганистана. Къ этому я прибавлю, что разъ это будетъ выполнено, то достаточно одной недѣли для доставки товаровъ (а если товаровъ—то почему не войскъ и продовольствія?) изъ кавказскихъ штабъ-квартиръ въ Гератъ.

„Теперь перейдемъ къ подробному разбору путешествія г. Лессара. Онъ лишь вскользь касается первой части линіи, описанной въ его предыдущихъ докладахъ. О второй части—отъ Асхабада къ Серахсу—приведено болѣе подробностей и она представляетъ для насъ весьма большой интересъ. Изъ описанія прежнихъ путешественниковъ и особенно изъ донесеній майора Нэпира, лично осмотрѣвшаго значительную часть Атека, мы были уже довольно близко знакомы съ общимъ характеромъ страны. Мы знали, что тянущійся съ запада на востокъ хребетъ, по подножію котораго пролегаетъ дорога изъ Кизиль-Арвата къ Асхабаду, пройдя Дерезъ, постепенно уменьшается въ высотѣ. Мы знали также, что скатъ хребта, обращенный къ пустынѣ, называемый Атекъ (по тюркски—пола платя), былъ весьма негусто заселенъ туркменами, платившими зякетъ или десятину пограничнымъ персидскимъ начальникамъ за право пользоваться для обработки своихъ полей водами,

вытекающими изъ вышележащихъ горъ. Обсуждая (по поводу прочитаннаго въ вечернемъ собраніи нашего общества, 27 марта 1882 г., сообщенія г. О'Донована о Мервѣ) вѣроятность наступленія Россіи по этому пути, я предполагалъ, что принадлежность Атека Персіи не подлежала спору и что поэтому постройка черезъ него русской желѣзной дороги можетъ совершиться только по особому соглашенію съ шахомъ. Изъ исторіи извѣстно, что разсматриваемые скаты горъ отъ Ахала до Серакса всегда составляли нераздѣльную часть Хорасанской провинціи. Нисса, Абивердъ и Меана, лежащія всѣ три въ Атекѣ, были главными городами провинцій наравнѣ съ Нишапуромъ и Тусомъ при всѣхъ персидскихъ династіяхъ до сравнительно недавняго времени; и хотя ахальцы въ послѣднее время силою завладѣли западнымъ Атекомъ, на востокъ отъ Дерегеза такого нарушенія границъ не было и даже, насколько мнѣ извѣстно, никогда и не предполагалось. Вслѣдствіе этого я былъ немало удивленъ, узнавъ, что г. Лессаръ, безъ сомнѣнія на основаніи извѣстныхъ ему видовъ русскаго правительства, считаетъ вопросъ о національности Атека открытымъ и даже находитъ, что персидскіе горные владѣтели притѣсняютъ текинскихъ земледѣльцевъ, вмѣшиваясь въ дѣло ирригаціи ихъ полей, а не туркмены захватываютъ персидскія земли и нарушаютъ персидскія права.

„Но независимо отъ всякихъ соображеній по политическимъ вопросамъ, сообщеніе г. Лессара содержитъ много весьма цѣнныхъ данныхъ по статистикѣ и географіи. Его замѣчанія о нижнемъ теченіи Теджена подтверждаютъ предположеніе, много разъ высказанное мною, о томъ, что на сѣверъ отъ Серакса въ древности существовало большое озеро, питаемое Тедженомъ, Мургъ-абомъ, персидскими рѣчками изъ Келата и Абиверда, и въ особенности южнымъ рукавомъ Оксуса, тогда извѣстнымъ подъ именемъ *Aces* или *Ochus* (нынѣ *Ogoez*). Это озеро, которое, подобно Сеистанскому, въ зависимости отъ притока изъ рѣкъ, колебалось отъ обширнаго открытаго воднаго бассейна до незначительнаго поросшаго камышомъ болота, по моему мнѣнію, было извѣстно древнимъ какъ „*Arīa Palus*“, изъ котораго былъ водный путь къ Каспію¹⁾. Когда южное

¹⁾ За «*Arīa Palus*» Птолемея до настоящаго времени принималось Сеистанское озеро; но необходимо обратить вниманіе, что рѣка *Arēias* (или *Герирудъ*), вытекающая изъ Паропамиза, направляется къ озеру на сѣверъ и что Аммианъ прибавляетъ: «*Unde naviganti ad Caspium mare quingenta stadia numerantur et mille*». Разстояніе къ Каспію быть можетъ слишкомъ малое, но направленіе ясно указываетъ на тедженскія болота.

теченіе Оксуса, главнымъ образомъ питавшее *Arta Palus*, было обращено къ сѣверу, озеро конечно высохло, но встрѣчаемыя и нынѣ по Теджену болота и озера, въ связи съ твердою наносною почвою, находимой вездѣ на нѣсколько футъ подъ песками—достаточно доказываютъ существованіе озера въ древности и конечно нѣтъ ничего невозможнаго въ предположеніи, что въ не очень далекомъ будущемъ русское инженерное искусство можетъ возобновить колоссальныя ирригаціонныя работы, возбуждавшія удивленіе Геродота и давшія поводъ Плинію считать равнину у Абиверда, какъ „*fertilitatis inclitae locus*“¹⁾. Второе важное и при томъ совершенно новое свѣдѣніе, сообщаемое г. Лессаромъ, относится къ имени Аракаджъ, употребляемому персами для обозначенія страны, вмѣсто тюркскаго названія Атекъ. Это дѣйствительное этимологическое открытіе, ибо Аракаджъ, отбрасывая *дж* (обыкновенное окончаніе древнихъ восточныхъ персидскихъ названій), обращается въ Арака или Арага, имя, близко подходящее къ *Ragau* Исидора (въ связи съ Абивердомъ) и кромѣ того указываетъ, что Рага, названіе, и теперь употребляемое афганцами для обозначенія „подножія возвышенности“²⁾, имѣло то-же значеніе въ древне-персидскомъ языкѣ³⁾.

„Но особенное вниманіе обращалъ г. Лессаръ на третій участокъ предполагаемаго русскаго пути, именно отъ Серахса къ Герату, и тутъ достоинство его изслѣдованій составляетъ не только точность данныхъ, но и совершенная новизна ихъ, ибо ранѣе сего ни одинъ европейскій путешественникъ не заѣзжалъ въ Бадхызъ и даже у арабскихъ географовъ нѣтъ никакихъ свѣдѣній о существованіи большого торговаго пути въ этой мѣстности. Бадхызъ, занимающій всю страну между Мургъ-абомъ и Гери-рудомъ до предѣловъ пустыни, всегда славился на Востокѣ своимъ лѣснымъ характеромъ. Пехлевійскій Бундегешъ говоритъ: „онъ изобилуетъ лѣсами, изоби-

¹⁾ Nat. Hist. VI. 16.

²⁾ Какъ видно изъ «*Afghan papers*» d. 74 by Raverty.

³⁾ Открытіе, что Рага или Арга есть коренное древне-персидское названіе для «подножія возвышенности», объясняетъ нѣкоторые весьма важные факты; во первыхъ значеніе имени древней Мидійской столицы Rhages (*Arhagi* Страбона р. 512), лежащей у подножія Эльбурса и *Damghan*, также происходящее отъ *Daman* (по персидски пола платя). Также разъясняется *Ragh* въ Бадахшанѣ, лежащій у подножія горъ Дарвазъ, и быть можетъ *Arghassan* (вмѣсто *Arghastan*) въ Афганистанѣ, и наконецъ позволяетъ предполагать, что Рага Вендидада, 12-е мѣсто, созданное Ормуздомъ, тождественно съ *Daman* или «скаты Сулеймановаго хребта», въ виду сопоставленія этого имени въ вендскомъ географическомъ спискѣ съ Верене или *Ванну* (*Falan* китайцевъ) и съ «Семью рѣками» или *Punjab*.

луетъ деревьями“ и географы называютъ между его произведеніями тополь, чинары и фисташковыя деревья; но это вѣроятно относится только къ восточной части провинціи, гдѣ она прикасается къ Багшору и Гарджистану, на верхнемъ Мургъ-абѣ. Во время перваго нашествія арабовъ, въ концѣ 7-го столѣтія по Р. Х., Бадхызъ былъ занятъ Хеатиле или Бѣлыми гуннами (Тохари прежнихъ временъ), которые происходили отъ Nioung-nu и были прародителями Ghuzor — туркменовъ ¹⁾. Здѣсь было два города Ваи и Вауи, лежавшіе вѣроятно на Кушкѣ или на одномъ изъ меньшихъ притоковъ Мургъ-аба, такъ какъ географъ Якутъ посѣтилъ ихъ по пути изъ Герата въ Мервъ; но всѣ слѣды ихъ, также какъ и городовъ Kulwin и Baghsur ²⁾, взятыхъ Чингизъ-ханомъ, нынѣ исчезли.

„Я сказалъ, что никогда не было большой дороги черезъ Бадхызъ вдоль Гери-руда. Самые берега рѣки были непроходимы, а сѣверо-западная часть края въ сторонѣ отъ рѣки была весьма бѣдно снабжена водою. Дѣйствительно, описывая пограничную линію, ведущую изъ Серакса въ Балхъ черезъ Мургъ-абъ, Гамдулла говоритъ, что на 4-хъ переходахъ (около 100 миль) не было проточной воды; робаты, сооруженные вдоль дороги, снабжались колодцами и систернами ³⁾. Путь черезъ Бадхызъ далѣе на востокъ, сое-

¹⁾ Главное доказательство непрерывности связи Nioung-nu съ туркменами есть сохраненіе одного и того же царскаго титула, употребляемаго этимъ тюркскимъ племенемъ при его различныхъ перемѣнахъ имени и мѣстъ жительства. Chen-gu или Ien-yu племени Nioung-nu, такъ всегда называется китайцами въ 1-мъ столѣтіи до Р. Х. Остатки этого племени, называемые китайцами Tu-lo-ho (т. е. Тохари), впоследствии занимали Тохаристанъ, и начальникъ этой мѣстности, сражавшійся съ арабами въ 119 г. по Р. Х., у Ибнъ-Атира названъ Ienueh (томъ V, стр. 148); наконецъ Biruni передаетъ, что въ его время точно такой же титулъ носилъ и начальникъ Ghuz—тюрковъ, которые, какъ извѣстно, тождественны съ новѣйшими туркменами (Хронологія, стр. 109).

Якутъ утверждаетъ положительно, что Бадхызъ былъ Даръ-аль-молкъ, или мѣстопребываніе правительства Хеатиле, пришедшихъ сюда изъ Тохаристана; и вѣроятно Бундегешъ говоритъ объ этомъ поселеніи тюрковъ на верхнемъ Мургъ-абѣ, описывая Вакуир (или Bakeser по Деперону), нынѣшній Bagshur, какъ твердыню Афросіаба. См. Sacred Books of the East. V, p. 38.

²⁾ Бундегешъ говоритъ объ этой мѣстности: «во времена Yimъ мириадъ городовъ и селеній покрывалъ этотъ прекрасный и богатый край».

³⁾ Названія этихъ робатовъ между Серахсомъ и Мургъ-абомъ:

Робатъ Джафери . . . . . 9 фарсанговъ.

Миль-и-Омари . . . . . 7 >

Робатъ-и-Абу Маима . . . . . 7 >

Дизъ Гинду или Казари . . . . . 7 >

Мокадасси даетъ ту-же дорогу съ небольшими измѣненіями.

динявшій Мервъ и Гератъ, и слѣдовавшій по притокамъ Мургъ-аба, былъ гораздо богаче водою“...

Описавъ вкратцѣ путь г. Лессара отъ Серакса къ Кусану, сэръ Роулинсонъ прибавляетъ:

„Здѣсь будетъ умѣстно сказать нѣсколько словъ о территориальной зависимости Бадхыза. Хотя вся страна отъ Кусана на сѣверъ до самой туркменской пустыни въ настоящее время никѣмъ не населена, вслѣдствіе набѣговъ текинцевъ и сарыковъ, не прерывавшихся въ теченіе послѣднихъ 20 лѣтъ, но не смотря на это, не можетъ быть сомнѣнія, что весь Бадхызъ есть афганская территорія. Границу Персіи составляетъ Гери-рудъ. Туркмены не предъявляютъ претензій ни на какія земли внѣ предѣловъ пустыни. Слѣдовательно путь г. Лессара изъ Серакса въ Кусанъ и тѣмъ болѣе до Горіана, шелъ исключительно по афганскимъ землямъ, и если-бы по этому направленію была построена желѣзная дорога, то она была-бы на всемъ протяженіи подчинена юрисдикціи гератскаго правителя, кромѣ случая, когда послѣдовало бы какое-либо особое соглашеніе о противномъ.

„Когда г. Лессаръ прибылъ въ Кусанъ, безъ сомнѣнія, главная цѣль его путешествія была достигнута; но, какъ кажется, онъ имѣлъ еще порученіе осмотрѣть западный или персидскій берегъ Гери-руда и для этой цѣли направился въ Мешхедъ черезъ Хафъ и Турбетъ-и-Гейдари. Этотъ путь, также какъ и обратный отъ Мешхеда до Турбетъ-и-Шейхъ-и-Джама, уже посѣтили и описали весьма многіе путешественники и отчетъ г. Лессара здѣсь не содержитъ новыхъ свѣдѣній; но между Турбетъ-и-Шейхъ-и-Джамомъ и Гери-рудомъ пройдено снова ранѣе неизслѣдованное мѣсто. Г. Лессаръ осмотрѣлъ теченіе рѣки отъ Кэфиръ-кале и Пешъ-робата на югъ до Зуръ-абада или Пуль-и-хатуна, гдѣ впадаетъ Мешхедская рѣка, на сѣверѣ, пробираясь черезъ горы по тропинкамъ, и пришелъ къ убѣжденію въ невозможности построить отъ Кусана къ Пуль-и-хатуну прямую колесную дорогу вдоль рѣки, или гдѣ-либо близь ея; для избѣжанія тѣснинъ необходимо или отклониться на востокъ отъ рѣки и идти по Бадхызу, или еще болѣе удлинить путь, пройдя на западѣ черезъ Кэризь, Шейхъ-и-Джамъ, Ленкэръ и Зуръ-абадъ. Въ виду этого г. Лессаръ считаетъ направленіе изъ Серакса черезъ переваль Борхуть ¹⁾ въ Кусанъ, какъ естественное и единственно возможное для проложенія желѣзной дороги вдоль Атека

¹⁾ Горы называются Борхуть; переваль Хомбоу. (Прим. переводчика).

отъ русской границы у Баба-Дурмаза черезъ Серахсъ въ Герать. По поводу вопроса объ этой желѣзной дорогѣ я сдѣлаю нѣсколько замѣчаній, пользуясь недавнимъ рѣшеніемъ нашего предсѣдателя, заявившаго, что если желательно, чтобы въ засѣданіяхъ Общества пренія не обращались въ споры партій, то напротивъ, нѣтъ никакихъ причинъ избѣгать политическихъ замѣчаній и разсужденій болѣе общаго характера.

„Никто не станетъ отрицать, что успѣхи русскаго оружія на востокѣ отъ Каспія въ послѣднія 20 лѣтъ принесли громадную пользу краю; дѣйствительно, замѣна въ значительной части Азіи власти киргизовъ, узбековъ и туркменъ русскою властью есть несомнѣнное благо. Отвратительный торгъ невольниками, со всеми сопутствующими ужасами, уничтоженъ; разбои прекращены и магометанскій фанатизмъ и жестокость ослаблены и сдержаны. Торговля стала болѣе безопасною; мѣстное искусство и промышленность поощряются и на нужды населенія обращается болѣе вниманія, нежели это дѣлалось при азіятскихъ правителяхъ. Но какъ ни увлекательна подобная картина, я все же никоимъ образомъ не могу признать, что желательно распространеніе сферы благотельнаго русскаго вліянія по направленію къ Индіи и что наша обязанность для совершенія сего сочувствовать и способствовать сооруженію проектируемой г. Лессаромъ желѣзной дороги въ Герать. Понятно, что дѣло идетъ объ обсужденіи вопроса въ принципѣ; практически это было-бы преждевременно, такъ какъ мы слишкомъ еще отдалены отъ выполненія проекта.

„Уже найти деньги на подобное предпріятіе будетъ дѣломъ первостепенной трудности; затѣмъ, конечно, возникнутъ усложненія съ Персією и Афганистаномъ, если серьезно будетъ поднятъ вопросъ о проведеніи иностранной желѣзной дороги черезъ ихъ земли; наконецъ, придется имѣть дѣло съ формальнымъ сопротивленіемъ Великобританіи; ибо къ какой партіи ни принадлежало бы въ то время правительство, я не могу допустить, чтобъ, при настоящемъ положеніи нашемъ на Востокѣ, націю можно побудить смотрѣть равнодушно, а тѣмъ болѣе сочувственно на мѣропріятіе, при успѣхѣ котораго будетъ подорванъ нашъ престижъ во всей Средней Азіи и исчезнетъ увѣренность въ спокойствіи и безопасности въ нашихъ собственныхъ предѣлахъ, столь необходимая для благосостоянія Индіи, зависящаго отъ мирнаго развитія промышленныхъ и производительныхъ силъ страны.

„Весьма возможно, что если бы Индія была соединена съ Евро-

пою непрерывною желѣзною дорогою, хотя бы пролегающею по русской территоріи, все же Великобританіи, какъ наибольшей производительной странѣ въ мірѣ, рано или поздно досталась бы львиная доля торговли, какъ это уже произошло на Суэзскомъ каналѣ. Но и при такомъ результатѣ все еще останется открытымъ вопросъ, не будетъ ли простое облегченіе перевозки товаровъ и пассажировъ куплено слишкомъ дорогою цѣною политическихъ невыгодъ. Не надо забывать, что при этихъ обстоятельствахъ мы потеряемъ наше прославленное преимущество не имѣть границъ и будемъ принуждены держать Индію въ постоянной готовности къ войнѣ. Условія владѣнія страной совершенно измѣнятся, нельзя сказать, что непременно въ конечномъ результатѣ невыгодно для насъ, но во всякомъ случаѣ измѣненія эти, хотя временно, будутъ сопряжены съ неизвѣстностью и отвѣтственностью, которыхъ, понятно, никакое правительство не приметъ на себя охотно“.

„Поэтому, признавая прекрасную роль, которую Россія до сихъ поръ играла и которую ей вѣроятно суждено играть и въ будущемъ въ дѣлѣ цивилизаціи Азіи, я все же съ большимъ удовольствіемъ вспоминаю политическій принципъ, который это государство столь часто признавало и, я думаю, признаетъ и въ настоящее время,—что Афганистанъ (включая, конечно, и Бадхызъ)—въ сферы его вліянія и дѣйствій; и въ заключеніе, что касается до изслѣдованій г. Лессара, позволю себѣ выразить увѣренность, что его проектъ проведенія желѣзной дороги изъ Асхабада черезъ Серахсъ въ Гератъ не осуществится, по крайней мѣрѣ, ранѣе того, какъ мы построимъ желѣзную дорогу къ тому же пункту отъ Сиби черезъ Кветту и Кандагаръ“.

Въ послѣдовавшихъ преніяхъ сэръ Бартль-Фреръ заявилъ: При обсужденіи этого вопроса, будь то русскими или англичанами, всегда разсматривалось время когда желѣзнодорожные изслѣдователи обѣихъ націй встрѣтятся гдѣ-либо близъ предполагавшейся великой цѣпи горъ, которая, какъ сообщилъ сэръ Генри, нынѣ оказывается не выше 900 фут. Русскіе неустанно ведутъ свои изслѣдованія по направленію къ Герату; что же дѣлаетъ Англія? Съ тѣхъ поръ, какъ сэръ Ричардъ Темплъ довелъ свою желѣзную дорогу до окрестностей Боланскаго прохода, что совершено Англіею въ этомъ дѣлѣ? Казалось бы, что отрѣшаясь, какъ это дѣлаютъ нѣкоторые оптимисты, отъ всякаго опасенія наступательныхъ дѣйствій со стороны Россіи, или просто въ видахъ развитія торговли, англичанамъ слѣдовало бы продолжать свои желѣзнодорожныя изслѣдова-

нія навстрѣчу русскимъ, и вѣроятно, чѣмъ скорѣе англійскіе желѣзнодорожные инженеры встрѣтятся съ русскими, тѣмъ позже наступитъ день, когда произойдетъ столкновение военныхъ инженеровъ обѣихъ націй.

Сэръ Генри Норманъ сказалъ, что не раздѣляетъ опасеній гг. Роулинсона и Бартль-Фрера относительно приближенія Россіи. Онъ вовсе не желаетъ идти впередъ, чтобы встрѣтить русскихъ въ неизвѣстномъ пунктѣ и, какъ военный, предпочитаетъ держаться надежной базы. Онъ совершенно убѣжденъ, что столкновение не произойдетъ въ его время. Онъ предпочелъ бы, чтобы оно случилось въ пунктѣ, гдѣ Англія можетъ воспользоваться всеми громадными средствами Индіи, а не двигаться къ Серахсу или Герату, 600 миль отъ границы, строя желѣзныя дороги, которыя будутъ стоить громадныхъ денегъ и не приносить дохода. Не слѣдуетъ этого дѣлать для отстраненія воображаемой опасности, съ которою, когда придетъ время, наши наслѣдники по управленію Индіею будутъ всегда въ состояніи справиться.

Сэръ Ричардъ Темплъ сказалъ, что хотя необходимо признать, что Россія совершаетъ великое дѣло, но не слѣдуетъ забывать, что народы, также какъ и отдѣльныя лица, дѣйствуютъ на основаніи смѣшанныхъ мотивовъ. Объ этомъ не стоило бы упоминать, если бы многіе изъ его соотечественниковъ, въ увлеченіи заслугами Россіи передъ человѣчествомъ, не забывали о политическихъ опасностяхъ, грозящихъ ихъ собственной странѣ. Онъ слишкомъ довѣряетъ англійской администраціи и англійскому вліянію, чтобы не признать, что все, что способно серьезно уменьшить англійскій престижъ или власть Англіи въ Азіи, не можетъ быть полезно для человѣчества. Онъ вполне признаетъ, что ужасы захватыванія рабовъ туркменами на персидской границѣ именно таковы, какъ описываетъ сэръ Роулинсонъ, и сожалѣетъ, что Англія не приняла участія въ поддержаніи свободы въ этой мѣстности; конечно, если никто другой не могъ сдѣлать этого дѣла, надобно радоваться, что оно исполнено Россіею. Но разъ оно совершено, Россія, на основаніи соглашеній и государственной переписки, имѣющей значеніе международныхъ договоровъ, была обязана остановиться на границѣ Афганистана. Въ этой послѣдней странѣ не было тѣхъ ужасовъ, какъ на туркменско-персидской границѣ. Афганцы не увозились въ рабство (?) и всегда могли сами заботиться о себѣ, и слѣдовательно Россія не имѣла права переступать границу. Онъ вполне согласенъ съ тѣмъ, что сказалъ сэръ Роулинсонъ. Постройка желѣз-

ныхъ дорогъ въ Афганистанѣ сопряжена съ большими затрудненіями; первое будетъ заключаться въ международныхъ договорахъ. Далѣе есть большія физическія трудности, ибо хотя Паропамизскія горы съ русскаго конца линіи очень низки, напротивъ, горы Белуджистана на англійскомъ концѣ ея весьма трудно проходимы, хотя послѣднія изслѣдованія и выяснили возможность сооруженія здѣсь желѣзной дороги, но они же выяснили и фактъ, что это будетъ очень дорого стоить.

Президентъ (Lord Aberdare) замѣтилъ, что сообщеніе г. Лесара было прочитано не въ виду его политическаго значенія, а вслѣдствіе заключающихся въ немъ интересныхъ географическихъ свѣдѣній о мѣстности между Кушкомъ и Гери-рудомъ. Въ качествѣ предсѣдателя географическаго общества онъ долженъ держаться космополитическихъ воззрѣній. Здѣсь было заявлено, что возбуждая сопротивленіе со стороны Персіи и Афганистана, можно помѣшать постройкѣ дороги къ Герату. Есть обстоятельства, когда мы должны стать выше національныхъ взглядовъ, принять во вниманіе общіе интересы человѣчества и спросить себя, можно ли поддерживать варварское состояніе этихъ странъ, населенныхъ однимъ изъ наиболѣе безпокойныхъ племенъ земнаго шара, лишь для того чтобъ отвратить могущую послѣдовать опасность для Британской имперіи. Какъ президентъ общества, какъ англичанинъ и какъ человѣкъ, онъ громко протестуетъ противъ такого взгляда, который, по его мнѣнію, противорѣчитъ истиннымъ принципамъ гуманности. Обязанность президента общества—не допускать преніямы принять слишкомъ политическій характеръ, но съ другой стороны, также мало желательно совершенно исключить политическія соображенія, имѣющія столь большое значеніе въ географіи, какъ и соображенія о торговомъ значеніи новѣйшихъ открытій или объ этнографическихъ фактахъ. Весь вопросъ въ томъ, чтобы эти соображенія были въ строгомъ подчиненіи требованіямъ географической науки.

Примѣчанія переводчика:

1) Споръ о принадлежности Атека Персіи или туркменамъ въ настоящее время представляетъ только историческій интересъ. О составѣ населенія этой области было сказано выше. Правда, Нисса, Абивердъ и Меана когда-то принадлежали Персіи; но ей же принадлежало и много другихъ областей, между прочимъ, Надиръ-шахъ владѣлъ всею Афганистаномъ и

частью Индіи. Теперь же, когда Персія изъ сильнаго и великаго государства обратилась въ слабое, могущее поддерживать порядокъ даже въ своихъ коренныхъ областяхъ, лишь благодаря своимъ сосѣдямъ, нѣтъ ничего удивительнаго, что она утратила часть удаленныхъ отъ центра окраинъ. Историческія права только тогда не бываютъ неосновательными притязаніями, когда предъявляющее ихъ государство можетъ нести и сопряженные съ владѣніемъ обязанности; персидское же правительство уже давно доказало свою полную неспособность совладать съ подчинявшимися ему по временамъ туркменами, и потому, когда настало время покончить съ господствовавшею въ краѣ анархіею, то пришлось руководствоваться не воспоминаніями прошлаго, а географическими и этнографическими условіями и приискать такое рѣшеніе вопроса, которое бы гарантировало прочность вводимаго порядка. До настоящаго времени это достигалось однимъ только способомъ, именно—подчиненіемъ земель, занятыхъ туркменами, Россіи.

2) Выше уже упомянуто, что Бадхызъ не есть страна между Мургабомъ и Гери-рудомъ, а лишь треугольникъ между рѣками Кашъ и Кушкъ. Это, впрочемъ, видно и изъ приводимаго самимъ Роулинсономъ описанія этой страны и изъ картъ индѣйскаго штаба (*Turkestan by Walker, fifth edition*). Абботъ, описывая переѣздъ изъ Чепенъ-и-бида въ Кален-морь, говоритъ: „Теперь мы выѣхали изъ области, называемой Бадхызъ... Далѣе страна называется Мауръ... и тутъ начинается государство Харезмъ“ (См. приложение II).

Приложеніе II.

Переводъ извлеченія изъ „*Narrative of a journey from Herat to Khiva*“ by capt. James Abbot. Свѣдѣнія касающіяся Юго-Западной Туркменіи и Бадхыза. (Капитанъ Абботъ былъ посланъ въ 1839 г. англійскимъ агентомъ d'Arcy Todd въ Хиву для переговоровъ съ Алла-кули-ханомъ по поводу ожидавшагося наступленія генерала Перовскаго).

„24-го декабря 1839 г. я выѣхалъ изъ Герата въ Хиву и послѣ многихъ остановокъ, вызванныхъ паденіемъ вьюковъ, достигъ Парвана, лежащаго въ возвышенной долинь, на разстояніи 11-ти миль отъ Герата. Дорога идетъ среди холмовъ незначительной высоты, поднимаясь все время къ Парвана. Это поселеніе постоянно опустошается набѣгами джемшидовъ — народа тюркскаго происхожденія, но платящаго дань Герату. Эти люди, поощряемые потворствомъ визиря Яръ-Магомедъ-хана, постоянно захватываютъ несчастныхъ гератскихъ подданныхъ для продажи ихъ туркменамъ. Здѣсь много кѣризовъ и кое-гдѣ обработанныя поля. Населеніе — таджики; они приняли меня очень гостепрѣимно. Кругомъ поселенія холмы и возвышенныя равнины, покрытыя полынью, служа-

щею кормомъ дикимъ антилопамъ. Гробницы 5 святыхъ, основавшихъ поселеніе, видны вблизи. Обойдя болѣе прямые и трудные перевалы горнаго хребта Каиту, мы переправились черезъ него безпрепятственно; по дорогѣ нѣтъ ни жилищъ, ни кибитокъ, кромѣ 2-хъ разрушенныхъ робатовъ въ долинѣ; пройдя нѣсколько зеленѣющихъ возвышенностей, мы остановились на ночлегъ близъ углубленія, въ которомъ нашли немного воды. Мы шли по дорогѣ къ Кушку, главному городу джемшидовъ, какъ совѣтовалъ Яр-Магомедъ-ханъ, подѣ предлогомъ, что начальникъ этого племени увеличитъ мое прикрытіе еще на 10 всадниковъ. Кушкъ на 2 перехода въ сторонѣ отъ большой дороги, но все же я рѣшилъ посѣтить его, такъ какъ мнѣ приходилось проѣхать черезъ земли его начальника, который, конечно, зналъ о моемъ проѣздѣ, и было важно расположить его къ себѣ всякою вѣжливостью, которая была въ моей власти.

„27-го октября. — Ночью небо покрылось облаками. Вся цѣпь Каиту была покрыта снѣгомъ отъ вершины до подножія; велика была наша радость, что мы уже перешли эту преграду, гдѣ ежегодно много людей погибаютъ въ снѣгу. Чрезвычайно трудная тропинка, идущая по крутымъ холмамъ, покрытымъ травою, привела насъ къ ручью Кушкъ, вдоль котораго мы подошли къ поселенію того же имени. Здѣсь долина интересная и живописная. Низкіе холмы, окаймляющіе ее, совершенно обнажены, или же покрыты только травою. Деревьевъ нигдѣ нѣтъ. Но видъ черныхъ кибитокъ джемшидовъ, видъ живыхъ существъ представлялъ яркій и пріятный контрастъ съ дикостью только-что пройденной мѣстности. Черныя кибитки, въ которыхъ живутъ джемшиды, сдѣланы изъ толстыхъ войлоковъ, покрывающихъ легкій, переносный, деревянный остовъ. Кибитки круглой формы; черный цвѣтъ происходитъ отъ дыма костровъ, разводимыхъ внутри ихъ, а иногда отъ цвѣта шерсти. Впрочемъ, въ Кушкѣ есть нѣсколько глиняныхъ мазанокъ и укрѣпленіе, похожее на разрушенный глиняный заборъ. Джемшидовъ, по ихъ собственному счету, 15 тыс. семействъ или 75.000 душъ, но эта цифра, вѣроятно, преувеличена, ибо, проѣхавъ около 50 миль по ихъ странѣ, я почти нигдѣ не видѣлъ живой души.

„Во время послѣдней осады Герата, Магомедъ-Земинъ-ханъ, начальникъ джемшидовъ, держалъ себя очень нехорошо. Въ это печальное время гератцы напрасно ждали помощи отъ этого дикаго племени, которое, содѣйствуя осажденнымъ, могло нанести

персамъ много вреда. Пока джемшиды, казалось, колебались, персы появились у нихъ въ странѣ. Въмѣсто того, чтобы, пользуясь благопріятною мѣстностью, беспокоить или уничтожить персовъ, джемшиды удалились безъ сопротивленія въ Меручакъ и оставили въ распоряженіе нападающихъ всю свою страну и значительное количество зерна, зарытаго въ землю. Джемшиды тюркскаго происхожденія, какъ это и видно по ихъ наружности и образу жизни. Они низкаго роста, очень смуглые, черты лица рѣзко татарскія. Гдѣ есть удобный грунтъ и вода, они занимаются земледѣліемъ, но ихъ богатство заключается въ стадахъ овецъ и табунахъ лошадей тюркменской породы, обыкновенно получаемыхъ въ обмѣнъ на невольниковъ, добываемыхъ изъ Гератской провинціи. Джемшиды извѣстные трусы и, подобно всѣмъ татарскимъ племенамъ, питаютъ къ артиллеріи суевѣрный страхъ.

„Долина рѣчки Кушкъ имѣетъ въ среднемъ около $1/2$ мили ширины и ограничена съ обѣихъ сторонъ пологими, зеленѣющими скатами, на которыхъ паслись стада овецъ и козъ. У подножія низкихъ обрывовъ и холмовъ было разбросано значительное число кибитокъ джемшидовъ, а на равнинѣ паслись сотни лошадей. Долина очень плодородна и когда-то была хорошо обработана. На ночлегъ мы остановились у оба (селеніе) и на слѣдующее утро продолжали спускаться по долинѣ рѣчки; видъ мѣстности былъ такой-же, какъ и наканунѣ. Мнѣ указали нѣсколько глиняныхъ хижинъ близъ лѣваго края долины, гдѣ когда-то жили 40 узбекскихъ дѣвъ; тутъ же у подножія холмовъ алтарь (или гробница), къ которому онѣ прибѣгли, будучи захвачены войсками какого-то сосѣдняго племени. Въ этомъ критическомъ положеніи дѣвы просили смерти и были мгновенно похищены, но людьми или духами—это не выяснено. Мѣсто называется Чиль-духтеръ, что значитъ „40 дѣвъ“. Очевидно, какъ преданіе, такъ и названіе персидскія.

„Кара-тепе (Черный бугоръ) теперь былъ въ виду; это искусственный холмъ, около 150 футовъ высокою; на вершинѣ остатки укрѣпленія; онъ расположенъ въ широкомъ изгибѣ долины, надъ которымъ господствуютъ съ запада возвышенные холмы.

„Близъ укрѣпленія было разбросано много кибитокъ и стояли караваны, шедшіе изъ Мерва съ хлѣбомъ для Кушка.

„Ниже Кара-тепе кибитки уже рѣдки, но еще часто встрѣчаются большія стада овецъ. Въ эту богатую долину приходятъ пастухи даже изъ Мерва. Жители Кара-тепе не признаютъ власти настоя-

щаго правителя Кушка, и далѣ этой границы подчиняющіеся ему джемшиды не смѣютъ селиться. Къ вечеру мы пришли къ мѣсту, удобному для расположенія лагеря, около двухъ миль выше Чемень-и-бидь. Вблизи стояло стадо около 1.000 овецъ, подъ приглядомъ трехъ пастуховъ.

„Выступивъ отсюда на разсвѣтѣ, мы снова шли по Кушку. Мѣстность оставалась такою же, какъ и прежде; но поселеній уже не было. Большія стада бѣлыхъ овецъ все еще виднѣлись по холмамъ, но холмы эти становились болѣе бесплодными и песчаными по мѣрѣ того, какъ мы подвигались. Укрѣпленіе Чемень-и-бидь разрушено и никѣмъ не занято. Нѣсколько миль далѣ лежатъ развалины другаго укрѣпленія, называемаго Хоузъ-и-ханъ или „систерна хана“. На равнинѣ близъ этихъ развалинъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, произошла битва между главою джемшидовъ Дервишъ-ханомъ и хазаре въ союзѣ съ Маммедъ-земинъ-ханомъ. Дервишъ-ханъ былъ убитъ и власть перешла къ Маммедъ-земинъ-хану: это источникъ кровной вражды между послѣднимъ и дѣтьми перваго. Мирза увѣрялъ меня, что въ Кушкѣ онъ видѣлъ въ домѣ хана не менѣе 20 туркменъ, пріѣхавшихъ для покупки рабовъ, захватываемыхъ въ Гератѣ джемшидами. Гератская долина, уже лишившаяся почти всего населенія во время персидскаго нашествія, такимъ образомъ совершенно не въ состояніи поправиться.

„Потворство джемшидамъ Яръ-Магомедъ-хана, визиря гератскаго, объясняется слѣдующими обстоятельствами. Еще до персидскаго нашествія визирь былъ полновластнымъ правителемъ; не прошло бы одного, двухъ мѣсяцевъ, онъ, конечно, низложилъ бы Шахъ-Камрана и занялъ бы его мѣсто. Эти намѣренія были только приостановлены обстоятельствами, и Яръ-Магомедъ-ханъ, родственники котораго занимаютъ всѣ высшіе посты въ государствѣ, опасается сопротивленія только со стороны кочевниковъ. Онъ ихъ старается расположить къ себѣ всѣми средствами, хотя бы вредными для государства, и всевозможною щедростью. Рѣдкое оружіе и другіе дорогіе предметы, попадающіеся ему въ руки, онъ даритъ начальникамъ племенъ, и зная, что значительная часть ихъ богатства происходитъ отъ торговли рабами, онъ смотритъ на это сквозь пальцы, хотя и сознаетъ происходящій отъ этого вредъ.

„Теперь мы выѣхали изъ области, называемой Бадхызъ или „страна вѣтра“; имя произносится Бахызъ и въ странѣ, гдѣ сохра-

нилось столько преданій объ Александрѣ Великомъ, первое побужденіе произвести это названіе отъ греческаго бога Бахусъ или Багызъ индѣйцевъ. Далѣе мѣстность называется Мауръ и здѣсь лежатъ развалины укрѣпленія Кале-и-моръ; въ настоящее время сохранилась лишь одна комнатка, гдѣ можетъ пріютиться путешественникъ. Большой кѣризь, посреди долины, свидѣтельствуешь о высокой степени ея обработки въ прежнія времена и заставляетъ думать, что тогда воды рѣчки расходовались на орошеніе выше, а не доходили до Кале-и-моръ; нынѣ долина никѣмъ не занята. Мы встрѣтили не менѣе 6 или 7 каравановъ съ зерномъ изъ Мерва. У этого укрѣпленія начинается государство Харезмъ... Далѣе дорога идетъ по Кушку до слиянія его съ Мургъ-абомъ или Абъ-и-моръ. По этой послѣдней рѣкѣ мы дошли до самаго большаго селенія Пянджъ-дехъ, пройдя мимо брошенныхъ виноградниковъ и полей когда-то населеннаго и обработаннаго края. Въ поселеніи около 200 кибитокъ туркменъ-іомудовъ (Yuhmoot Turkmens) были расположены въ видѣ двухъ пустыхъ квадратовъ. Мы были окружены толпою любопытныхъ; черты лицъ ихъ рѣзко татарскія; впрочемъ, не всѣ безобразные.

„1-го января 1840 года. Путь мой лежалъ по лѣвому берегу рѣки, и я переправился по мосту черезъ сухое русло Кушка, близъ впаденія его въ Мургъ-абъ, который здѣсь имѣетъ ширину около 60 футъ и течетъ въ руслѣ глубиною 30 футъ, вырытомъ въ глинистомъ грунтѣ долины. Берега обрывистые, окаймленные гребенщикомъ и камышами. Долина, шириною у Пянджъ-дехъ около 9 миль, суживается далѣе на сѣверъ до трехъ четвертей мили. Восточный берегъ ограниченъ пологими песчаными холмами, возвышающимися около 600 футъ надъ долиною. На западъ отъ рѣки лежитъ пустыня—возвышенная, песчаная равнина, поросшая низкимъ кустарникомъ и колючкою, и простирающаяся до возвышенностей персидскихъ предѣловъ. Долина Мургъ-аба была прежде хорошо обработана, но въ настоящее время отъ Пянджъ-дехъ до Іоль-отана она никѣмъ не занята, вслѣдствіе тревожнаго состоянія края, и только отъ времени до времени видны здѣсь развалины. Караваны, съ грузомъ пшеницы и ячменя изъ Мерва, встрѣчались каждая двѣ-три мили. Обрато везутъ, главнымъ образомъ, рабовъ обоюго пола, преимущественно изъ Герата.

„Приближаясь къ Іоль-отану, видны слѣды недавнихъ посѣвовъ, затѣмъ глиняныя стѣны, между которыми расположены кибитки; дорога постоянно пересѣкаетъ арыки; поселенія (оба) встрѣчаются

чаще. Самая долина, постепенно ушираясь въ обѣ стороны, обра-
 щается въ обширную равнину, ограниченную песками. Двигаясь по
 ней, мы прибыли къ полудню, близъ укрѣпленія Мервъ, къ мѣ-
 сту пребыванія правителя оазиса—узбека Магомедъ-Эминъ-бека,
 родственника хивинскаго хана“.

Калеи-ноу

35°

81°

КАРТА

ГО-ЗАПАДНОЙ ТУРКМЕНИИ

(по свѣдѣніямъ инж. Лессара)

Масштабъ

20 верстъ въ 1 англ. дюймъ.

